

В огне

Юлия Динэра

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Юлия Динэра

В огне

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=35196490

SelfPub; 2020

ISBN 978-5-532-11692-4

Аннотация

Алина знает, что дома ее ждет то, от чего она скрывалась несколько лет, но после смерти матери ее больше ничего не держит в Латвии, поэтому она принимает свою судьбу, которая давно предопределена ее отцом – владельцем крупной фирмы, передающейся по наследству. Самое худшее для Алины – встретить его снова, мужчину, которого она ненавидела и любила вопреки всему. Он был раем и адом в одном флаконе, но она даже не подозревала, что этот человек настолько опасен. Адриан Вестардо знает, что ворваться в ее жизнь – не самое лучшее решение... Содержит нецензурную брань.

Содержание

Пролог	7
1	12
2	16
3	21
4	24
5	27
6	31
7	34
8	38
9	42
10	48
11	53
12	57
13	61
14	63
15	69
16	81
17	83
18	87
19	91
20	95
21	100
22	106

23	112
24	116
25	119
Конец ознакомительного фрагмента.	121

Алина знает, что вернувшись домой, ее ждет то, от чего она скрывалась несколько лет, но после смерти матери ее больше ничего не держит в Латвии, поэтому она принимает свою судьбу, которая давно predeterminedена ее отцом – владельцем крупной фирмы, передающейся по наследству.

Самое худшее для Алины – встретить *его* снова, мужчину, которого она ненавидела и любила вопреки всему. Он был раем и адом в одном флаконе, но она даже не подозревала, что этот человек настолько опасен.

Адриан Вестардо знает, что ворваться в ее жизнь не самое лучшее решение, но только это поможет сохранить ей жизнь, потому что Алина оказывается втянутой в опасную игру, из которой нет выхода. Он рискнет всем ради нее, даже ее любовью.

Наемный убийца по прозвищу «Девил» обычно спит с теми женщинами, которых потом убивает. Профессия. Кредо. И он знает, что Алина Раковска неприкосновенна во всех смыслах и хоть соблазн так велит, он лучше убьет ее, нежели переступит черту.

Жизнь и смерть, любовь и ненависть, как одно единое целое.

Все события и лица, описанные в книге, не имеют ничего общего с реальными людьми и выдуманы автором. Все совпадения случайны.

В оформлении обложки использована фотография автора:

Kiselev Andrey Valerevich

«Sexual passionate couple in elegant evening dresses. Luxurious interior. Fashion shot» <https://www.shutterstock.com>

Пролог

2000 год. Рига, Латвия.

Она вышла из комнаты, дождавшись пока все уснут и босая прошлепала по холодному коридору до корпуса мальчиков. У двери дежурил пожилой охранник по имени Валдис, она не боялась его и он часто угощал ее конфетами, когда та тайком пробиралась в общую мальчишескую. Сегодня он храпел в две дырки, она не стала его тревожить, хотя конфеты очень любила. А на первый взгляд не скажешь, худющая, как трость и чересчур высокая для своего возраста, по крайней мере, так говорили ее сверстники.

На цыпочках она прошла вдоль ряда одинаковых кроватей и нашла ту, на которой часто проводила время, когда дежурил Валдис.

– Когда-нибудь тебя выпорют, дуреха. – Мальчик сразу заметил ее и откинул край одеяла, подвинувшись, освобождая ей место. Она быстро запрыгнула на кровать и натянула одеяло под самую шею. Зимой тут было холодно, а пока босиком бежала, чтобы не греметь тапками, все ноги отморозила.

– Не выпорют. А если так, я не боюсь.

– Тебя снова обзывали сегодня? Я слышал в столовой.

Она знала, что от него ничего не утаить, он всегда все знает и наблюдает за ней. Дружили они уж вот четвертый год, но девочка не позволяла ему за себя заступаться. Ее обзывали

переростком, оттого, что выше всех девчонок ее возраста была, оттого, что выросла не по годам и понимала, больше чем они. Ее обзывали ведьмой за то, что ее кожа была чуть темнее, чем их белоснежная, хотя она даже не загорала летом, за черные как смоль волосы и длинные ресницы, обрамляющие темно-коричневые глаза. Будучи маленькой она плакала, что не похожа на остальных девочек со светлыми волосами и бледной кожей с розовинкой на щеках. Говорят ее папа Латино-американец, а мама вообще русская. Как только в Латвии она оказалась, ей было неизвестно.

– Вообще-то я пришла за историей. Расскажешь что-нибудь интересное сегодня? Мне понравилось слушать про Фредди, ты не закончил, что стало с той последней девочкой?

– Не знаю, я не успел дочитать.

– Проведешь меня в библиотеку как-нибудь? Я хочу взять эти книги.

– Ладно. Посмотрим.

– Пожалуйста. – Она умела просить, даже не давя на жалость. Просто тягучим голосом и ангельской улыбкой.

– Хорошо.

Девочка широко улыбнулась, а мальчик шмякнул ее пальцем по носу.

– У меня кое-что новенькое. Можешь попугать девчонок, когда решите играть в догонялки на улице.

– И что это? – Глаза заблестели и, девочка приготовилась

услышать очередную историю от своего лучшего друга.

– Считалочка.

Наши дни

В семнадцать лет я уже знала, что не за горами мое замужество, также знала за кого выйду замуж. Нет, это не мой избранник, это распоряжение отца. «Придет время и, ты станешь великой, Алина» – по его словам «великой» означает замужем за его компаньоном, которому он меня обещал. В общем, меня хотят выгодно продать. А я не товар, хотя с детства привыкла к тому, что все в этом мире покупается и продается, так воспитал меня мой отец. Ты можешь купить целый мир, если у тебя есть деньги, даже человека. Не хочу соглашаться с этим.

Меня зовут Алина Раковска, мне двадцать три года и я в ловушке. В ловушке бизнеса, который передается в семье по наследству, в ловушке собственных чувств и противоречий, в ловушке мужчины, которого люблю и ненавижу и в ловушке смертельной игры.

Когда мне стукнуло девятнадцать, папа решил: «пора». Я испугалась. Мне всегда казалось, что этот день никогда не наступит, но он наступил. «Притерпится, слюбится» НЕТ! Этот мужчина, якобы мой будущий муж, на два года старше отца, его пузом можно убить медведя, а глаза из-под надутых щек, легко спутать с бисером. Я сбежала, уехала к маме в Латвию. Отец заблокировал все мои счета, я осталась на

нуле и на мамином попечении, дай Бог, у нее был хороший доход от издательства, которым она владела, а еще сбережения, оставшиеся с тех времен, когда они с отцом были вместе, ну и конечно, богатый любовник, с которым они познакомились на презентации какой-то нашумевшей книги.

Мама умерла через год после того, как я к ней переехала. Страшная авария, в которую она попала, не оставила ей шанса. Несчастный случай. И все о чем я думаю, что это моя вина, моя и *его*.

Он был моим всем: всепоглощающей страстью, ненасытным животным, ласковым зверем, безумием, любовью всей моей жизни. Я была для него никем. Он жил с моей матерью. Я ревновала. Ненавидела себя за это, но ревновала. Мама была хорошенькой, в сорок три выглядела, словно моя старшая сестра, и мы были очень похожи, должно быть по этой причине я вызывала у *него* интерес. Достаточно худая, но не костлявая, грудь второго размера, каштанового цвета волосы, ниже лопаток. Мама чуть крупнее и выше, волосы немного короче, чем мои, у нас одинаковые серо-голубые глаза и маленькие веснушки на носу. *Он* видел во мне ее, только моложе. Я ненавидела это каждой клеточкой своего тела, и его ненавидела за то, что не мог любить меня, как я его, и себя за то, что всегда сдавалась и поддавалась его желаниям. Отдавала всю себя. Была одержима. Мои демоны бы сожрали меня, если бы я осталась, да и отец приказал вернуться. Выбора особо не было. Я была подавлена, сломлена и опусто-

шена. Никакой Адриан Вестардо не смог бы меня спасти, а главное, он и не собирался. *Он* не знает ничего кроме грубости, хорошего траха и принадлежности одного к другому. У него, как и у моего отца: все продается и все покупается.

3 июля 2014

Открываю глаза, закрываю их, снова открываю, ничего не меняется. Я словно умерла. Это конец моей жизни. Или ее начало. Боль тисками сдавливает виски, слезы душат, я не выпускаю их. Хочется орать. Это то, что должно было произойти, чтобы я поняла? Нет, я поняла это раньше, но не хотела ничего с этим делать. Нет пути назад. Прошла только неделя. Он не тревожил меня, но сегодня пришел, сюда в дом моей матери, хватило же наглости. Я ненавидела его прежде, за отношение к себе, теперь я ненавижу его такой ненавистью, которой даже не хватает места внутри меня. Я собрала некоторые вещи, которые могут пригодиться мне первое время. Пока ждала такси, обошла весь дом, разглядывая все, как в первый раз.

Я впустила его, потому что нет сил сопротивляться. Какая мне теперь разница, я все равно уезжаю. Он сразу обратил внимание на чемоданы у порога, мой взгляд не выражал ничего. Пусто.

- Отдых пойдет тебе на пользу, *mana mīlestība**.
- Это не отдых. Я возвращаюсь в Россию.
- Если тебе нужны деньги..
- Мне не нужны ТВОИ деньги. Говори, зачем пришел и

проваливай.

Он приближается, хватая меня за подбородок и вздергивает его вверх, заставляя меня смотреть на него. Так как он любит. Мои глаза наполняются слезами. Он имеет огромную власть надо мной, и я ненавижу это. Ненавижу то, что готова убить ради него, но больше ненавижу его за то, что потеряла из-за него.

– Мне не нравится твой тон, *bērnš**.

– Отпусти меня. – Я почти молю.

– Не могу, детка. – Качает головой. Дьявол. Телефон звонит. Спасибо Боже.

– Это такси. – Сглатываю ком, образовавшийся в горле.

– Отмени.

– У меня самолет через два часа. – Не замечаю, что шепчу, почти потеряв весь воздух.

– Хочу, чтобы ты умоляла, *mana mīlestība**. – Он опускается передо мной, проводит языком по моей нижней губе, я издаю легкий стон.

– Прошу. Тебя. – Мне правда нужно успеть на самолет, но я ничего не могу сделать с влиянием этого мужчины, я ненавижу его, ненавижу себя, но когда он касается меня..

– Просишь о чем? – Сладко. Томно. Одним движением руки он задирает вверх мое легкое летнее платье и стягивает

к коленям мои трусы. Я вся дрожу. — Mana meitene*.

Он бросает меня на диван, я тяжело дышу, когда его горячие властные губы касаются внутренней части моего бедра. Нет, я не могу себе этого позволить, я омерзительна сама себе. Это дом моей мамы, ее диван, это ее мужчина! Ногами отталкиваю его от себя, подрываюсь с дивана. Этого не произойдет больше, не здесь. Никогда больше. Его грудь вздымается и опускается, так же часто, как и моя. Я никогда не отвергала этого мужчину, он пользовался мною слишком долго, но всему приходит конец. Должен был прийти раньше, до того, как нечто ужасное произошло с мамой, но мы играли, играли до последнего. С меня хватит.

— Убирайся. Уходи! — Кричу, бью его в грудь. — Проваливай из моего дома, из моей жизни, Адриан!

Он не делает ничего, просто смотрит на всплеск моей истерики, который видит впервые.

— Ты просто смешна. — Он с отвращением фыркает в мою сторону, я вся дрожу то ли от злости, то ли от страха.

— Если ты не уйдешь, я убью тебя, клянусь своей жизнью! — Кричу, что есть силы, боль сковывает, я падаю на колени. — Нет ничего хуже, чем любить тебя. Убирайся.

Что я делаю? Прогоняю его, избавляюсь от грязи и пафоса, ценою своих страданий. Чего я хочу на самом деле? Чтобы он поднял меня с этого пола, обнял, сказал, что все хорошо и мы ни в чем не виноваты, но я знаю, этого не будет. Он уйдет, как всегда это делал, как только я показывала ему

чутьочку своей любви, он убежал.

– Ты знала, с кем связываешься.

Нет, не знала.

*. mana mīlestība (латыш.) – Любовь моя.

*. bērns (латыш.) – Ребенок.

*. Mana meitene(латыш.) – Моя девочка.

1 ноября 2016

Сегодня презентация какого-то программного обеспечения, я летаю в облаках, грызу ручку, что совершенно не свойственно для наследницы всей корпорации «Ай Би Дженерал». На самом деле с две тысячи восьмого года, папа владеет лишь шестьюдесятью процентами, и чтобы получить обратно остальные сорок, я должна выйти замуж за мужчину, который мало того, что почти втрое старше меня, так еще крайне мне не симпатичен. Один раз я уже избежала замужества, но теперь некуда бежать, лишь остается бесконечно ломать голову, размышляя над тем, что делать, как выкрутиться. Я дала себе отсрочку в четыре года, сбежав в Латвию, часики тикают, я жду самого наихудшего, уже привыкла. Вообще нас бы давно поженили, но мой папа поставил на меня новую цену, еще двадцать процентов фирмы этого хрыча – моего жениха. Он все еще думает. Я не лезу в это. Отношений не завожу – боюсь. Разве что только на один вечер. Не влюбляюсь. Никогда не остаюсь на ночь и не оставляю номер телефона. Я знаю, что в итоге меня ждет. Продажная жизнь. Сегодня день, когда все решится, поэтому я нервничаю. Либо я выйду замуж и, папа получит обратно часть фирмы, и еще долю чужой, либо мы будем посланы ко всем чертям, и отец до конца дней будет считать себя бедным, меня ви-

новатой во всех смертных грехах. Вероятно, он закроет мои счета, лишит дома, машины и всего-всего, что у меня есть, и сам полностью от меня откажется, либо же будет искать более выгодный способ, как и на чем нажиться.

– Эй! Земляне, космос вызывает! – Кто-то кладет руку мне на плечо, я вздрагиваю, оглядываюсь по сторонам, конференц-зал пуст, позади меня стоил Лиза Кудрина – заместитель директора отдела продаж и моя подруга. Ну как подруга, иногда мы напиваемся вместе, раз, может два в месяц, мы позволяем себе пойти в клуб и зависнуть на всю ночь, познакомиться с кем-то, а на следующее утро забыть обо всем. Ну, это как бы говоря.. На самом деле мое похмелье не дает о себе забывать.

– Уже все?

– Ага. Как тебе проект? По-моему, полная лажа.

– Я не слушала, извини.

– Спятила? Тебе работать с ним.

– К черту его. Голова другим забита. – Встаю, поправляю узкую кожаную юбку, сильно закусываю косточку на указательном пальце, так что остаются следы от зубов.

– Что-то случилось? – Лиза нахмурена, и как всегда пытается вывести у меня больше, чем положено ей знать.

– Плохое предчувствие.

– По поводу.. кхм..? – Шепчет. Не произносит вслух, запрещенное мною слово «замуж». Вообще об этом мало, кто

знает. Почти никто. То есть это буквально пару человек. Если это, не дай Бог, случится, пойдут сплетни. Грязные – грязные мысли, от грязных – грязных людишек. Не люблю, когда болтают лишнее, особенно на работе.

– Не знаю, извини, нужно идти. – Хватаю сумку, засовываю в нее рекламные бумаги, даже не просмотренные мною и блокнот, в котором я чаще всего что-нибудь малюю на конференциях, не вызывающих интереса.

– Хочешь напиток?

– Нет, не сегодня. – Смотрю на часы. – У меня важная встреча.

Встреча, которая определит мою жизнь.

О, да. Она определила.

Александр Петерсон пришел на встречу один, что даже радует, это значит, я могу открыто показывать ему свое отвращение. Думала, будет отец, но видимо договор купли-продажи, состоится без хозяина «товара». Договорились встретиться в неформальной обстановке, в кафе на набережной, неподалеку от офиса.

Александр встает, чтобы проявить всю свою надуманную галантность: помочь мне снять пальто и отодвинуть стул. Я не раздеваюсь, сажусь быстро, так что мужчина в растерянности возвращается на место.

– Вино, шампанское, мартини? – Улыбается мне, словно я пришла на свидание.

– Давайте ближе к делу.

Посмеивается.

– Хорошо. Твой отец просит слишком много, за твою руку и сердце. Но ты так прекрасна, Алина, что я не смею ему отказать.

Внутренний мандраж усиливается, когда его губы касаются моей руки. Я знаю, что даже сам Господь Бог не в силах меня спасти, и за прошедшие годы, я смирилась с очевидным, но это все не в силах избавить меня от отвращения.

Мужчина достает какие-то бумаги из своей черной кожаной сумки, аккуратно кладет передо мной. Целая стопка. А сверху ручка.

Вскидываю брови.

– Что это?

– Брачный контракт.

Даже не хочу читать эту чушь, да и займет это несколько часов, как минимум.

– Что в нем?

– Ничего особенного, милая моя. Несколько правил: ты не сбежишь после свадьбы, не разведешься, не подашь на меня в суд, будешь исполнять все супружеские предписания. И пожалуй, самое главное, о чем ты должна знать. Если со мной что-то случится, решение насчет тебя и фирмы, полностью перейдет к единственному наследнику – моему племяннику.

Я чуть не подавилась.

– Вы же не намекаете на то, что я могу убить Вас? Серьез-

но? Я теперь еще и по наследству передаюсь? Хитры же Вы..
Что если откажусь?

Пожимает плечами, лениво, словно ничего особенного не собирается сказать.

– Отправишься на помойку, вместе с отцом. Я тоже подстраховался.

Сводит желудок, зубы, пальцы.

Просто нужно сделать это. В моей жизни не намного хуже станет, подумаешь, муж на три десятка старше.

Ставлю подписи в нужных местах. Мне казалось, что я все еще готова бороться, что еще хочу сопротивляться, буду искать ходы и выходы, но на самом деле я давно сдалась. Приняла свою судьбу. Даже если она таковой не является, то теперь станет ею. Иногда я жалею, что вообще родилась.

20 марта 2017

Весна наступила рано, не то чтобы это особенное время года, но я почему-то каждый день выглядывая в окно поутиру, немного ностальгирую по тем временам, когда еще училась в школе. В моем воображении такая весна была идеальной погодой для моей шикарной свадьбы, а также мой нынешний возраст был идеальным для замужества, поэтому мне особенно грустно в эти дни. Ни одной моей фантазии не суждено было сбыться. В такие дни, мне хочется собрать вещи и сбежать далеко-далеко, чтобы никто не смог найти, но затем я снова возвращаюсь в реальность. Я слышу звук закрывшейся двери, затем шаги, и я уже готова к своему очередному вечеру в качестве супруги, все еще не могу привыкнуть, но делаю свою работу, как по расписанию. Я комнатное растение, которое он выращивает, которое доставляет ему удовольствие, во вред себе. Я ненавижу эту жизнь. Я делаю отвратительные для самой себя вещи. Его дряхлый член уже почти ни на что не способен и меня воротит от одного его вида, но я продолжаю делать одно и то же, изо дня в день. Иногда Александр открыто приводит в дом проституток, сразу несколько, они усаживаются в большой гостиной, прямо на ковре, курят, пьют и трахаются, зовут меня к себе, я всегда молча прохожу мимо и закрываюсь в ванной на час другой и

молю Господа забрать меня к себе. Это единственное на что я теперь способна.

Сегодня день, когда мне легче дышать, вчерашний был таким же, и я знаю, что завтрашний возможно станет другим, а может и нет.. Я ужасный человек. В свои двадцать три я уже успела стать женой влиятельного бизнесмена, и в этот же год я стала его вдовой. Это омерзительно и в то же время прекрасно, потому что я вновь могу думать о жизни, о свободе, о чем-либо еще кроме страха и отвращения.

Мне жаль его, чисто по человечески, но то, что случилось не моя вина. Слава Богу, я не участвовала в этом. На этой неделе снова проститутки, и честно говоря, я рада, когда они приходят, это означает одно: сегодня мой гребаный муж напьетсся и натрахается так, что мне не придется ублажать его старое тело.

Это была ночь со вторника на среду, я спала в своей комнате на третьем этаже, когда услышала раздирающий крик, который оглушал, словно серена. Я испугалась, хотя знала, что в гостиной очередная эскорт-тусовка. Эти девицы затрахаили Александра до смерти, в прямом смысле этого слова. На первом этаже стоял беспросветный туман тяжелого дыма, мужчина лежал на полу, абсолютно голый и с открытым ртом. Он умер от остановки сердца. Я знала, что он много пил, любил побаловаться травой и девочками, а когда их не было, он терроризировал меня. Мне было все равно, чем занимается этот человек.

Сегодня, я вдова. И мне лишь остается гадать, что будет со мной дальше. Чувствую, что это не конец.

Это странно, что запах смерти и запах свободы сливается для меня воедино. Это ужасно, когда кто-то может радоваться подобному, особенно когда это ты сама. Моя мама погибла, когда мне было двадцать, я бы убила каждого, кто проявил бы хоть каплю насмешки над этим. Успокаиваю себя тем, что это разные вещи. Да, так легче. Мама не манипулировала людьми, не принуждала кого-то к чему-либо, не занималась ничем аморальным. Она бы не позволила.. Не продала бы меня ни за какие деньги. У папы все просто: я женщина и достаточно симпатичная, это большой подарок для него. Он может расплатиться мною за что угодно. Я просила его помочь, избавиться от всего, что мне приходилось терпеть несколько месяцев, на что отец всегда говорил одно и то же: «потерпи немного, Алина. Ты будешь владеть целой империей». Не нужна мне никакая империя. Жить хочу.

На улице по прежнему солнечно, как и вчера, и позавчера, снег почти растаял, почки появляются на деревьях, я улыбаюсь, как глупышка.

Мне не было дозволено выходить из дома одной, Александр ссылался на то, что неприлично замужней даме шастать по улице, на самом деле старик боялся, что я убегу. Дом под охраной двадцать четыре на семь, двенадцать человек обслуживающего персонала, я не могла улизнуть, даже,

на часок, только в сопровождении этого брюзги или домработницы.

Я купила самое дорогое черное платье, которое было в новой коллекции «Маккуин», маленький презент в честь маленькой победы. Надеваю темные большие очки, и иду отыгрывать финальную сцену спектакля.

Встречаюсь с отцом, который лишь молча кивает мне. Он обеспокоен и это логично быть грустным на похоронах. Но это мой отец, так что бросьте думать, будто для него это имеет смысл. Слишком хорошо его знаю. Все что на его лице напоминающее скорбь, на самом деле нечто иное. Он обеспокоен тем, как теперь сложатся дела фирмы, контракт передачи доли так и не был до сих пор подписан. Теоретически, я как законная супруга Александра Петерсона имею долю имущества, фактически – не имею ничего. Моей фамилии, которую я категорически отказалась менять, нет нигде, я пустое место, ноль, слабое звено. Да мне и плевать. Не нужно мне чужое. К тому же я сама подписала бумаги, в которых черным по белому были прописаны мои права и обязанности.

Людей больше сотни, в основном мужчины, статные, солидные, в черных костюмах, большинство из них, конечно, выглядят так же, как и Александр при жизни, рядом с ними жены, изображающие всемирную трагедию на своих лицах. Я вижу всех, меня не видит никто, лишь моя оболочка, черные очки на пол лица, скрывают мой взгляд, мое истин-

ное лицо. Длинные черные лимузины, Мерседесы Джи-класса, куча цветов, венков, тихий плач, наигранные рыдания, страдальческие лица, сплошной пафос. Журналисты снимают репортаж о гибели известного всем, как теперь, я услышала криминального авторитета. Никто не говорит, что мужчина помер от наркоты и беспорядочного секса с проститутками. Приступ. Сколько лжи, лицемерия, гнили. Я и сама лицемерка, но это единственная моя защита на данный момент.

Все поочередно подходят ко мне выражают соболезнования, жмут мне руку, я хлюпаю носом, изображаю печаль в своем голосе. Все здесь вранье. Многие меня вообще не знают, и даже они никогда не поверят, что я вышла замуж за этого человека по любви. Спектакль. Только вот для кого он? Кому это важно?

Случайным взглядом ловлю знакомое лицо в толпе. Пугаюсь. Показалось. Последующие минуты, всматриваюсь в проходящих мимо людей. Ищу глазами то, что не должна бы. Становлюсь рассеянной, даже немного потерянной, отстраненной от общества. Все, что давно забыто, не может вызывать подобных эмоций, не имеет права. И лучше бы мне показалось, иначе боюсь сойти с ума.

Адриан. Я действительно думала, что он живет с мамой, но затем заметила, что он как приведение, то появляется, то исчезает, когда вздумается. У меня всегда было много вопросов в голове, но я понимала, что это не мое дело. Он не был моим мужчиной, а маму, кажется, все устраивало, никогда не слышала, чтобы они ссорились. На первый взгляд все было идеально, не считая того, что периодически он занимался любовью со мной. То есть трахал меня, потому что любовь и Адриан Вестардо вещи несовместимые. Очень часто я терзала себя мыслями о том, что когда он уходит то, идет к другой женщине, и может даже не к одной, наверное, так и было.

Я долго не вспоминала о нем, не было времени, желания, сил. И вот сегодня. Я здесь на могиле человека, которого все считают моим мужем, и я оглядываюсь по сторонам в поисках мелькавшего среди толпы знакомого лица. Просто чтобы убедиться, что ошиблась.

Все расходятся, я тоже собираюсь уйти, но репортеры окружают со всех сторон, тычут микрофонами мне в лицо, я выставляю руки вперед, стараюсь растолкать этих невеж.

– Вы знали, что Ваш супруг замешан в убийствах?

– Вы вышли замуж по расчету?

– Говорят, что Вы убили супруга за то, что он изменял

Вам, это правда?

Проталкиваюсь вперед. Идиотские журналисты. Ищу глазами отца, чтобы тот забрал меня домой.

– Пропустите даму, господа. Разве не видите, что ей плохо? Давайте, расходитесь. – Взгляды журналистов сосредотачиваются на властном низком голосе, который я уже прежде слышала. Сердце колотится. Кто-то хватает меня за руку и разворачивает лицом к себе. Я замираю. Сквозь черные очки, я вижу *его* лицо. Суровое, как прежде. Все еще молюсь, чтобы это было ошибкой. Осторожно высвобождаю руку, сглатываю ком, наши взгляды не прерываются. Мое волнение, возможно не так уж и заметно, но оно настолько сильное, что я забываю даже дышать.

Адриан. Адриан не из тех мужчин, которым нужна крутая одежда или дорогие часы, чтобы быть сексуальным. Когда мы познакомились, он был в каких-то старых джинсах и помятой футболке. Признаюсь, по началу, я приняла его за какого-то плебея, чертовски, сексуального плебея. И я даже забеспокоилась. Вдруг он тянет с мамы деньги? Может, хочет забрать ее дом? Дурацкие стереотипы. Я дочь своего отца, поэтому не удивительно, что я так подумала. Оказалось, что он богат также, как и сексуален, а это означает безумно, бесконечно, неприлично. До сих пор я не знаю, чем он занимается, какой у него бизнес.. Он никогда не рассказывал, да и вообще мы мало разговаривали, его не особо интересовали беседы со мной, а особенно посвящение в свою жизнь.

Все, что я о нем знаю, это то, что в нем под метр девяносто, три раза в неделю ходит в зал, чтобы сохранить свое шикарное тело в форме, имеет на предплечье огромную татуировку дракона, густые брови, и волосы, вечно взъерошенные в разные стороны, словно только что встал с постели, а еще этот мужчина рядом не стоял с моралью. И я никогда прежде не видела на нем костюма, или так хорошо уложенных волос, «Ролекса» не его руке, ценою больше миллиона российских рублей. Из знакомого ранее мне доступен только внимательный и выразительный взгляд, все те же хитрые зеленые глаза, и легкая щетина.

– Мои соболезнования. Александр был хорошим человеком. Думаю, Вам было, за что его любить. – Его брови сходятся на переносице, мои должно быть тоже. Он издевается? Что за чушь? Это сарказм такой? Или.. может он не узнал меня? Не знает, кто я? Что вообще этот человек здесь делает?

– Спасибо. М-мне нужно идти, извините. – Мямлю, как влюбленная в старшеклашку пятиклассница. Ухожу. Почти убегаю. Что он делает? Здесь. Со мной. Сердце вот-вот выпрыгнет из груди. Я надеялась, мы никогда не встретимся больше, что все, что было останется в Латвии. Его русский стал намного лучше, как мне показалось, почти нет акцента. Я любила этот акцент. Он пробуждал во мне самые потаенные грязные мысли и желания.

Значит ли это, что он давно в России? Господи, я не вы-

держу еще одной встречи. Мне все еще больно. Больно и стыдно. Перед мамой, перед самой собой. Я приказала, что не стану себя жалеть, но вот снова это делаю.

10 февраля 2014

– Думаешь, что ты выше меня? Я не достойна тебя, да?

– Что? – Адриан выходит из душа, взлохмачивая полотенцем мокрые волосы. Вижу, как двигаются мышцы массивной груди, опускаю взгляд ниже, полотенце сидит так низко на его бедрах, что я сглатываю. Мы были вместе всю ночь, затем уснули в одной кровати, и больше не касались друг друга. Он не позволяет. Мама вернется из Риги уже сегодня. Не могу так больше. Нужно что-то делать.

– Расскажем все маме, сегодня. – Говорю, голос дрожит, потому что совершенно не имею представления, как собираюсь сказать ей о том, что ее мужчина спит со мной каждый раз, когда ее нет.

Адриан вскидывает брови кверху.

– О чем же, ты собираешься ей рассказать, любовь моя?

– Не называй меня так! – Швыряю в него подушку, злюсь. Ненавижу, когда он так делает, называет меня словами, которые не имеют никакого значения. Я не хочу слушать вранье. Для него может быть это все забава, для меня – нет.

– Прими душ и успокойся. – Бросает подушку на мою большую белоснежную кровать. Я закутываюсь в простынь и иду в ванную, Адриан останавливает меня своим телом.

– Дай пройти. – Он намного выше меня, и я не поднимаю

голову, чтобы взглянуть в его холодные глаза, плююсь на его вздымающуюся грудь, кубики пресса, до которых так и хочется дотронуться хотя бы кончиком пальца.

– Я что-то там не видел?

– Хм? – Наконец поднимаю голову. Он злится, но глаза играют, играют со мной. Мне не весело. Кивает на простынь, которую я придерживаю рукой. По реакции сильно сжимаю кусок ткани в кулаке.

– Отпусти руку, детка.

Смотрю. Он всегда командует. Могу я хотя бы раз ему сопротивляться? Еще сильнее сжимаю кулак, пытаюсь пройти вперед, но снова врезаюсь в твердое тело Адриана. Он ухмыляется, стискиваю зубы, мужчина одним движением руки сбрасывает полотенце со своих бедер, мое дыхание учащается, я вспоминаю, как совсем недавно его руки обжигали мою кожу, как он был во мне, и я почти кричала от боли и наслаждения. Не могу сопротивляться, когда его губы касаются моей шеи, опрокидываю голову назад, закатываю глаза, когда язык Адриана прорисовывает линию до мочки моего уха. Рука расслабляется сама собой, простынь скользит по телу и падает на пол, слышу легкий приглушенный смешок.

– Тебе.. нужно остановиться..

– Остановиться? – Бросает мне вызов. Прижимается ко мне всем телом, я буквально задыхаюсь, когда его рука касается внутренней части моего бедра.

– Да. – На выдохе, громче, чем я хотела.

– Ты уверена? – Издевается, как всегда. Хочу закричать на него, начать топтать ногами, как ребенок. Не могу ничего сделать. Ничего не значу для него, он любит только мое тело, как, может, и всех других женщин, о которых я не знаю, как моей мамы. Мама.

– Пожалуйста. – Снова этот жалкий умоляющий голос. Я не хочу, чтобы он отпускал меня, не хочу, чтобы поцелуи заканчивались, но еще больше хочу, чтобы Адриан наконец заметил меня, решил на что-то большее, понял что значит для меня. Ему все неважно. Я просто развлечение и постоянно заставляю себя думать об этом, принять наконец как одну единственную правду.

– Labi.

Он отступает, оглядывает меня с ног до головы, не скрывая ухмылку, я стаю обнаженная посреди комнаты, тяжело дышу. Мужчина хватает с пола полотенце, относит в ванную, затем возвращается, одевается и уходит. Хорошо, значит? Просто взять и уйти, как обычно, в духе Адриана Вестардо. Сегодня приезжает мама из командировки, я больше не нужна, моя роль на этом закончена.

20 марта 2017

Почти убегая с кладбища. Отец скрылся из виду, словно я чужой человек, даже не поздоровался, просто уехал. Не могу поверить, что видела *его*, он держал мою руку и смотрел в мои глаза, хоть даже не видел их за темными очками. Действительно ли Адриан не узнал меня? Может, прикинулся, что не узнал. В его духе, не замечать меня. Возможно, забыл, как я выгляжу. Идиотская голова, не могу выкинуть весь мусор из нее.

Еду домой, руки дрожат, стараюсь не превышать скорость, но желание поскорее встретится с папой, заставляет сильнее жать на газ.

Застаю отца в кабинете, громко распахиваю дверь, он даже не поднимает голову, чтобы взглянуть на меня, ковыряется в своих бумагах, хмурит брови.

– Пап.

– Не сейчас, Алина.

Когда если не сейчас? Он постоянно чем-то занят, на меня никогда нет времени, только знает, как распоряжаться моей жизнью, но никогда не спросит меня саму о чем-либо. Мама уехала в Латвию, я еще в школе училась, меня воспитывала прислуга, а отец только команды отдавал, если видел что, что-либо не так. Мне не хватало его внимания, ни в детстве,

ни сейчас.

– Чертов Петерсон. – Бормочет отец, сжимая руками голову.

– Что прикажешь делать, отец? – Спрашиваю я с толикой иронии в голосе.

– Все не имеет смысла! – Он пинает ногой стул, тот с грохотом отлетает в сторону. – Откуда я мог знать, что эта мразь сдохнет! Мы должны были подписать договор через год после вашей свадьбы.

Я почему-то чувствую вину, испытываю стыд, хотя не должна.

– И ничего нельзя сделать? – Тихо спрашиваю. Папа отрезанно смотрит на меня.

– Все достается его племяннику. У этого мерзавца больше нет никого. По гребаному закону, ты не имеешь право ни на что.

Мне и не нужно, но я знаю, что нужно отцу. Он хотел вернуть сорок процентов семейной фирмы, которые потерял несколько лет назад.

– Что.. мне делать?

– Делать то, что скажет его прихвостень. Он все решает. Я читал ваш с Петерсоном контракт.

– Мне опять придется спать с кем-то? – Голос подводит и немного срывается. Я всегда стараюсь держать эмоции при себе, особенно перед отцом, не хочу раскисать, казаться слабой, но я не хочу, чтобы мой единственный родитель отрекся

от меня или смотрел так, словно я самое большое разочарование в его жизни. Мне ведь ничего не стоит? Работник я никудышный. Я ничего не умею делать. Достойно. Правильно. И все же, я устала. В прошлом году мне пришлось переспать с представителем машиностроительной компании, с которой у нас срывался договор. Я всего лишь пришла на встречу, чтобы заключить соглашение, мужчина пошел на попятные, а мне нужно было это заключение, все решала я, и он. Сама виновата, нужно было работать лучше. Если бы я сказала отцу, что мы теряем договор, он бы меня убил.

Что-то меняется в папиных глазах, холод уходит, появляется что-то вроде понимания и может даже, сожаления, он подходит ко мне и кладет руки на плечи, его серые глаза заглядывают в мои.

– Потерпи немного, ладно? Мы не знаем, чего захочет сопьяк Петерсона, просто потерпи, скоро все изменится.

Изменится ли? Да или нет, но слова отца как всегда дают мне надежду.

– Я возвращаюсь домой? – Спрашиваю, потому что не уверена, что скажет папа, хотя это и мой дом тоже.

– Пока, да. – Кивает. – Думаю, да. – Возвращается к разбросанным по столу бумагам.

– Я заберу кое-какие вещи из того дома, по пути заеду в магазин. Купить тебе что-нибудь? Могу заехать в твой любимый ресторан и заказать нам пасту, поужинаем вместе.

– Нет, извини, милая, столько всего.. столько.. Поужинай

одна, пригласи подруг. – Снова не смотрит на меня, я горько киваю и сглатываю ком.

– Хорошо.

У меня нет подруг. Была Лиза Кудрина из отдела продаж, но я давно не видела ее, так как не появлялась на работе в связи со своей новой должностью: «Подстилка Александра Петерсона».

21 Марта 2014

На часах восемь утра и я встала пораньше, чтобы помочь маме, которая опаздывала в издательство. Включив на своем телефоне зарубежную попсу, которую я слушаю пока никто не слышит, я напевая знакомую мне мелодию, направилась на кухню, замираю в дверях, быстрым движением руки вырубаю музыку. Адриан сидит на стуле, пьет, должно быть, кофе черный без сахара, как обычно. Аромат разносится по всему помещению, аромат кофе, аромат этого мужчины, который даже не смотрит на меня. Отступаю назад, понимая, что совершенно в нелепом виде: спальная майка и трусики-шорты, на голове кавардак. Упс. Возвращаюсь в комнату, натягиваю джинсы и черную футболку, быстро расчесываю волосы. Не думала, что он появится здесь в такую рань, надеялась успеть к девяти.

Снова иду на кухню.

– Не знала, что ты здесь. – Прокашливаюсь. Слышит ли он меня вообще? Может я превратилась в невидимку? Хотя.. о чем это я? Адриан Вестардо, никогда не видит меня, изредка только, когда хочет меня трахнуть.

– Предыдущий наряд мне нравился больше. – Ровным тоном говорит он, не поднимая взгляд от своего смартфона. Значит, заметил все-таки. Все равно злюсь, аж зубы сводит.

– Мама попросила приготовить тебе завтрак. Не думала, что ты так рано..

Рассматриваю его, надеюсь, этого он точно не замечает. На нем темные спортивные штаны, белая боксерка, выделяющая каждую мышцу, растрепанные волосы и вид.. будто он только встал. Внутри все сжимается. Я привыкла, что он приходит и уходит, но сегодня.. Ненавижу себя за эту злость.

– Ты ночевал здесь? – Стараюсь не показать в интонации интереса. Как бы просто из любопытства.

Молчит. Игнорирует. Я знаю ответ. Он ночевал здесь, в маминой комнате, в ее постели. Сосет под ложечкой.

– Я не умею готовить ничего кроме яичницы, извини. – Перевожу тему, стараюсь не выглядеть еще более глупой.

– Я не голоден.

– Мама сказала..

– Я сказал.. – Адриан резко ставит чашку на стол, я вздрагиваю. – Я не голоден. – Разворачивается ко мне, я почти не дышу, кажется, только моргаю.

– Извини.. – Бормочу я, проглатывая ком, освобождая путь воздуху.

– Избавь меня от своих извинений.

Не могу долго смотреть в его глаза, слишком отчетливо в них различается безразличие и ледящий кровь холод. Хочется спросить: «Зачем ты так со мной?» Но язык не поворачивается. Перевожу взгляд на его правое предплечье, туго стянутое бинтом, сквозь который просачивается свежая

кровь.

– Ты ранен?

Ничего не отвечая, он просто уходит, я следую за ним. Плевать я хотела на его тараканы в голове, хочу знать, что он в порядке. Иногда этого просто достаточно.

– Адриан! – Догоняю, хватаю за руку, мужчина резко одергивает ее, словно вляпался в кучу дерьма. Мне как пощечина, но я уже несколько месяцев живу с этим чувством.

Слышу слабый внутренний рык, словно Адриан злится на меня так сильно, что готов разорвать, я не боюсь его, но иногда он на самом деле может напугать.

– Прекрати ходить за мной, Алина. Это раздражает. – Он говорит спокойно, но при этом умудряется расковырять мою душу. Я должна бы привыкнуть к этому холоду, к этим безразличным взглядам, но я не могу.

– Я просто хотела помочь.

– Не нужно.

– Что с твоей рукой?

– Ты что глухая? – Он резко разворачивается и прожигает меня изнутри одним взглядом.

– Я.. – Во рту пересохло. – Могла бы посмотреть..

Издевательский смешок.

– Посмотреть? Ты же ни черта не умеешь! Иди, готовь свою яичницу. – Он кричит, а затем тон снова становится спокойным, мое сердце ноет, скручивается и дрожит, я не знаю, как оно еще живо.

– Просто хотела знать, что ты в порядке.

– Тебя это не касается.

Не касается. Он прав.

20 Марта 2017

Этот ненавистный мною огромный дом, с множеством пустых комнат снова открывает передо мной свои двери, и я лишь радуюсь тому, что больше не вернусь в него. Снова надеваю свои очки, доигрываю последний акт, скорбящей вдовы. Переступаю порог, втягиваю в себя воздух, которого мне долго не хватало, истерично хохочу, так что отголоски смеха отдаются эхом от стен большого зала, с кучей ненужных дорогих картин и статуэток в виде орла, волков, и тигра. Ну, прям самец. Шах и мат, Петерсон.

– Никакого уважения к покойному. – Цокает языком, направляется прямоиком ко мне, уверенной походкой, с той же властью в глазах, этот человек непоколебим. На нем тот же черный костюм, который я видела на кладбище, волосы аккуратно уложены назад. Ничего плебейского.

– О, мой Бог. – Шепчу я сама себе. Хочется убежать, провалиться под землю.

– Здравствуй, *mana mīlestība*. – Его ухмылка такая же дикая, как и прежде. Он помнит меня. И он хорошо знает, как меня бесит его лживое «Любовь моя». Я не шевелюсь, не дышу, ничего не говорю. Адриан медленно снимает с меня очки и заглядывает в мои глаза, пристально, изучающе. Куда-то падаю, проваливаюсь. Так долго не думала о нем, как о

чем-то реальном, когда вспоминала, то молилась, чтобы этот сущий кошмар больше никогда не повторился в моей жизни. Теперь он снова стоит передо мной, и я вот-вот грохнусь в обморок. Начинаю часто дышать, стискиваю зубы от злости. Что он здесь делает? Неужели.. Нет, это не может быть правдой. Даже не хочу знать, спрашивать. Иду к лестнице, которая ведет в мою бывшую комнату.

– Какое невежество. Где твой огонь, Алина?

Перегорел, убудок, ты забрал последнюю спичку.

– Я заберу свои вещи и уйду. – Меня трясет, но я стараюсь говорить спокойно, вот бы мне немного его бессердечности, я бы не дрожала, как осиновый лист.

– Я так не думаю. Спустись обратно. – Тон грубый. Командует. Снова. Я замираю, но не спешу оборачиваться или спускаться вниз. Слышу шаги, медленные, громкие, сердце колотится. – Скучала по мне? – Вдыхает аромат моих волос, я задерживаю дыхание, пока он обходит меня вокруг, надеваю маску невозмутимости.

Смеется. Вызывает волну отвращения в моей голове.

– Даже не спросишь, что я здесь делаю? Конечно, ты знаешь. Ты ведь не глупая, правда? Спустись вниз. По-хорошему.

– А то что? – Сглатываю ком. Мой голос напуган, больше, чем я того хотела. Это все он. Я никогда не боялась его, но пугало то, что он делал со мной, как заставлял себя чувствовать. – Применишь силу?

Фыркает.

– Я не обижаю маленьких девочек.

Адриан поднимает руку, я вздрагиваю и закрываю глаза.

– Что ж.. Теперь ты боишься меня? – Его рука осторожно заводит прядь волос мне за ухо, я открываю глаза. – Думала, я ударю тебя, маленькая глупышка.

– Дай пройти. – Толкаю в грудь. Но что по сравнению с его сильными крупными мышцами мои руки толщиной с трость? Пошатываюсь назад, Адриан резко хватает меня за запястье, оборачиваюсь, тяжело дыша, еще чуть-чуть и я покатилась бы с лестницы.

Он шагает вперед, прямо на меня, я пчусь назад по лестнице, ноги путаются, Адриан крепко держит мою руку, и если я дернусь назад то, упаду. В его глазах нет ничего, что можно назвать человеческим, даже животное более мило-серднее, чем он. Лицо словно камень, ни тебе ухмылки, ничего, даже насмешки нет. Думаю, был ли он таким сердитым раньше? Теперь уже не знаю. Знаю точно, что не боялась его прежде, а теперь не знаю чего ожидать. Оглядываюсь назад, в страхе запутаться в собственных ногах и сломать себе что-нибудь. Когда мы приближаемся к первому лестничному выступу, Адриан отпускает мою руку, я не была готова к этому. Размахивая руками, в надежде за что-то ухватиться, я падаю на пол. Челюсть сводит от злости, сверлю мужчину взглядом, а он даже не смотрит в мою сторону, обходит меня вокруг, словно какой-то пакет с мусором и идет в кабинет, доступ

в который ранее мне был закрыт. А мне и не нужно было, просто Петерсон никому не разрешал даже подходить к двери этой злосчастной комнаты, за витиеватой лестницей.

Я никогда не желала встретиться с *ним* снова, но иногда глубине души, я мечтала, что однажды мы с ним поменяемся местами. Думаю, этому не суждено случиться.

Встаю, поправляю платье, следуя за Адрианом, который намеренно оставил дверь кабинета открытой. Вхожу.

– Закрой дверь.

Делаю, как говорит, словно даже спустя годы он имеет власть надо мной. Оглядываюсь вокруг. Помещение просторное и достаточно светлое, благодаря большому окну. Весь интерьер в золотых напыщенных тонах.

Мужчина швыряет на стол толстую кипу бумаг, она катится по длинной столешнице, я ловлю их у самого края. Вскидываю брови кверху.

– Я переделал договор, который ты заключила ранее с моим дядей.

Дядей. Я так и знала. Догадывалась, что этот человек не просто так оказался на похоронах Петерсона, а теперь еще и хозяйничает в его доме. Так мало я знаю о нем. Так мало знаю о них обоих.

– Брачный контракт?

Фыркает.

– Мне не нужна жена, любовь моя.

Он делает это специально. Называет меня так. Подавляю

злость.

– И чего ты хочешь?

– Я буду здесь недолго, месяц, может два. Нужно решить кое-какие дела.

– Ты подпишешь договор передачи имущества?

Адриан кривит лицо, словно ему отвратительно находиться со мной в одной комнате.

– Правильно. Поэтому мы оба здесь. Я подпишу, как только закончу свои дела в России.

В России. Значит ли это, что затем он вернется в Латвию? Месяц. Может два. Фу-ты ну-ты, какая мне вообще разница?

– Чего от меня хочешь?

– Ничего особенного. Продолжишь жить здесь, будешь заниматься своими делами. Когда будешь нужна, я дам тебе знать.

Буду нужна?

Открываю договор, пролистываю, пытаюсь найти что-то, что скажет мне, должна ли я спать с ним и все в этом духе. Кажется, Адриан замечает мое замешательство, ухмылка появляется на его лице.

– Не волнуйся, ребенок, никаких физических контактов. Мне не нужна та, в которой полоскал свой член мой старик.

Ребенок? У нас разница в десять лет, это не дает ему право.. Он и раньше так называл меня, но мне было девятнадцать, и я совсем была глупенькая. Полоскал член? Это совсем грубо. Значит я испорченный товар? Делаю вид, что ни

капли не задета, все так как оно есть.

— Контракт на два месяца, но так как я могу уехать и раньше, то получишь ты свою часть фирмы, как только это станет возможным.

Меня никак не устраивает, что придется еще два месяца томиться в этом доме, да еще с этим человеком под одной крышей. Я надеялась, что мы никогда не встретимся больше, особенно при таких обстоятельствах. И хорошо, что все давно в прошлом, потому что моя ненависть к этому мужлану уже неспособна перерасти в какие-то давно позабытые чувства. Достаточно с меня.

— Хорошо. — Говорю я, задирая подбородок кверху. Адриан прищуривает глаза.

— Не думал, что ты такая расчетливая. Признаюсь, был удивлен, услышав имя избранницы Александра. Ловко ты.

— Я такой родилась. А ты меня вообще не знаешь. — Беру ручку и ставлю подписи на новом договоре, швыряю обратно, в той же манере, в которой и получила его. Быстро разворачиваюсь и ухожу. Все это чертовски неприятно. И бесит меня. И выбивает из колеи. Но я это не я, если не справлюсь с этим дерьмом. Два месяца. А может и меньше. Не такой уж большой срок. Папа, наконец, будет со своей фирмой, а я сама с собой. И пока я здесь, то буду такой же мудачкой, как ты Адриан Вестардо.

– Прими мои соболезнования, Алина. Извини, что сама не позвонила.

– Ох, заткнись, умоляю. – Прижимаю плечом телефон к уху, пока переодеваюсь из вдовы, в нормальную двадцатитрехлетнюю девушку.

– Как все прошло?

– Не спрашивай, отвратительный день. Хочешь напиться?

Я знаю, что Лиза обычно инициатор всех пьяных походов в клуб, но сегодня мне, кажется, это нужнее.

– Извини.. – Мямлит.

– Серьезно?

– Блин, пока ты играла в замужество. – Выдыхает. – В общем, я встретила кое-кого.

– Шутишь? Кто он?

– Твой заместитель.

– У меня есть заместитель? Класс. Я же не работаю.

– Теоретически он твой зам. По факту просто делает твою работу, бездельница.

– Мне на самом деле нужно выпить.

– Прости. Давай в следующий раз, я только что переехала и не хочу показаться.. кхм алкоголичкой какой-нибудь. – Шепчет.

– Стоп. Вы живете вместе?

Сколько всего в жизни я упускаю, находясь в этом доме. Даже Лиза Кудрина нашла мужика. Хотя она и любитель парней на одну ночь, кажется все, что ей было нужно – нормальный парень. Как и мне.

– Да. Блин, ладно. Прости, он идет.

Конец связи. Ладно. Черт с тобой, предательница.

Хватаю сумку, достаю кредитку и ключи от машины, запихиваю в карман кожанки. В семейный бар Петерсона я не полезу, одному Богу известно, что там у него припрятано, не хочу даже касаться чего-либо там.

Завожу машину, сигналю охране, чтобы открыли ворота, никакой реакции. Оглохли там что ли? Выхожу.

– В чем дело, ребята? – Стучу в застекленную кабинку, из двери показывается мужчина в черном костюме и гарнитурой в ухе, видела его раза два от силы.

– Нам не велено выпускать Вас.

– И кто же не велел?

– Хозяин.

– Он мертв. Я хозяйка дома, открывай ворота. Качает головой.

– Новый хозяин. Без сопровождения – нельзя.

Адриан. Сволочь.

– Ладно, тогда едешь со мной.

– Не имею права покидать пост, извините Алина Владимировна.

– Слушай, мне все равно. Мне нужно в магазин.

– Попросите кого-нибудь. Я не могу Вас выпустить.

– Например, тебя?

– Кого-нибудь из прислуги.

– Ладно. Забудь.. – Сверлю взглядом, а тот даже и мышцей не дернул.

Возвращаю машину обратно в гараж. «Будешь жить здесь, заниматься своими делами» бла-бла-бла. Я все еще не могу покидать территорию дома. Что за семейная паранойя? Папа даже не позвонил, я не вернулась домой, а ему и плевать вообще.

Иду на кухню, впервые в жизни переступаю этот порог. Пятеро девушек, облокотившись на стол, что-то активно обсуждают и, увидев меня, резко замолкают, выстраиваясь в линию. Здесь что крепостное право? Иду к холодильнику.

– Можете продолжать. Мне абсолютно не интересно о чем вы здесь болтаете.

Кто-то прокашливается, я разглядываю полки холодильника.

– Никакого вина что ли? – Оборачиваюсь.

– Только десертное. – Пищит одна из домработниц.

– У кого-то есть доступ к винному погребу?

Все, как одна качают головой. Внимательно смотрю на девушек, которые словно застыли и напуганы до смерти. Дома я всегда была в хороших отношениях с обслуживающим персоналом, и здесь, даже если я ненадолго, я не хочу чтобы меня боялись. Кто их этому научил?

– У нас не было возможности нормально познакомиться. – Улыбаюсь. – Меня зовут Алина, и я не кусаюсь. – Протягиваю каждой из них руку, они сомневаются, робко, но все же пожимают ее.

– Вот и отлично. Кто-нибудь из вас сможет купить мне бутылочку..Нет. Две бутылки красного полусладкого? По дружески.

Все молчат.

– Ну?

– Нам нельзя выходить.

– За покупками – можно. – Говорю я. – Кто хочет дополнительный выходной?

Снова все молчат.

– Оплачиваемый. – Добавляю. – Да что с вами не так?

– Извините, нам нельзя разговаривать с хозяевами. Обычно Вы не заходите на кухню.. Мы в растерянности.

– Со мной можно говорить. Мне вообще все равно, делайте что хотите.

– Вы действительно дадите выходной? У меня дочь болеет.. – Девушка замолкает и поджимает губы, когда другая толкает ее локтем в бок.

– Конечно. До следующей недели можешь быть свободна. Слушай, никто даже не заметит, не считая меня конечно, а мне как вы поняли, все равно.

– Новый хозяин. – Шепчет другая. – Адриан. – От его имени сводит желудок.

– Он сказал, поменять все меню на будущие два месяца, и потом он ушел.. Мы хотели бы знать, что он от нас хочет. Может быть, Вы знаете?

– Конечно. Давайте сделаем так, одна из вас идет за покупками, а я напишу вам список того, что любит этот хрен.

Кто-то издает смешок, но тут же замолкает.

Понятия не имею, что предпочитает Адриан Вестардо. Знаю, что пьет черный кофе без сахара, терпеть не может оливки и привкус растительного масла.

Мне дают ручку и блокнот, я наобум составляю список блюд и продуктов, так же включаю туда оливки почти к каждому блюду и максимальную прожарку, надеюсь, он подавится.

Когда приносят мое вино, я отдаю девушкам блокнот, и с улыбкой на лице удаляюсь в свою комнату. Шагаю тихо, оглядываясь по сторонам, чтобы не дай Бог не наткнуться на Адриана.

Почему я здесь? И вторая бутылка вина наполовину пуста. Или наполовину наполнена. Не знаю. Звоню Лизе Кудриной. Не берет трубку, предательница. Звоню папе, то же самое. Кидаю телефон на кровать, пытаюсь встать с пола, ноги скользят, приземляюсь на задницу. Хорошее вино. Не хватает музыки или болтовни. Все дерьмо. Ничего не меняется. Делаю еще глоток, ставлю бутылку. Снова звоню Лизе. Ответила.

– Спятила? На часы глянь.

– П – поговори со мной..

– Ты пьяна? Господи, вали спать. Мы спим.

– Мы спим. – Передразниваю ее. – С каких пор ты стала правильной? Забыла, как трахалась с тем барменом..

– Заткнись, дура. Давай, пока.

– Ты гребаная проститутка, Кудрина.

– Пошла в жопу.

– Не звони мне больше! – Ору, снова кидаю телефон.

Вторая бутылка была лишней, и я давно не пила. Да и первая была ни к чему. Долго рвет в туалете. Умываюсь, чувствую себя лучше, но мое окрыленное настроение ни одной рвотой не убереешь.

Достаю чемодан и запихиваю в него первую попавшуюся одежду из шкафа, все, что влезет. Выталкиваю его за дверь,

оглядываюсь по сторонам. Я не могу больше жить в этом доме, взаперти, я не могу жить с *ним* под одной крышей. Моя жизнь могла бы наладиться, и за три года я ничего не слышала об Адриане, он исчез из моей жизни так быстро, как и появился. Я боюсь облажаться. Просто хочу домой.

Тащу чемодан за собой, на носочках, крадучись спускаюсь по лестнице. Через мгновение мне кажется, что не я тащу чемодан, а он все это время тащил меня. Пока ошарашенно хлопаю глазами, он с грохотом летит вниз, зажимаю рот рукой. Черт бы все это побрал. Ладно, дом большой, никто наверняка, этого и не услышал.

Быстро спускаюсь, хватаю вещи, выталкиваю на порог. Нужно еще придумать, как пробраться за ворота этого изолятора.

– Что ты тут делаешь?

Вот только этого мне не хватало. Какого черта, он не спит? Закрываю дверь, медленно оборачиваюсь. На Адриане свободные штаны, и больше ничего.. Воспоминания о прошлом нахлыывают, путаясь в глубине моего сознания. Он всегда выглядел так беззаботно, разгуливая по дому босиком, в каких-нибудь хлопковых штанах или джинсах.

– Я просто.. захотела подышать воздухом.

– Хм..

Хм? Он идет ко мне, я напрягаюсь, потому что от меня за версту разит алкоголем, за дверью валяется мой чемодан, и это мужчина чересчур неподобающе одет для того, чтобы

сокращать дистанцию между нашими телами. Ближе. Ближе. Еще ближе. Наклоняется к моему уху.

– Ты же знала, что по всему дому камеры наблюдения?

Конечно, я знала, придурок, но не думала, что ты решишь в это время суток, да и вообще когда-либо заглядывать в них.

– Не нужно за мной шпионить.

Он открывает дверь, ни чуть не постеснявшись, оттолкнув меня назад. Хотя о чем я говорю..

Адриан затаскивает мой чемодан обратно и бросает на пол.

– И куда же ты собралась? – В его голосе нет ни насмешки, ни какой-либо грубости. Обычный Адриан Вестардо во всей своей красе, с серьезностью, которую можно спутать с грубостью. Но лучше никому не нарываться на его грубость.

– Домой. – Уверенно отвечаю я.

Вскидывает брови кверху. Затем лицо становится суровым.

– Будем считать, что ты пошутила. Вернись в комнату.

– Теперь я твоя узница?

– Называй это как хочешь.

Стискиваю зубы, Адриан лишь медленно качает головой, когда я отступаю назад.

– Ты не можешь держать меня взаперти.

О, он может.

– Отпусти меня. Я все равно не нужна тебе.

– Я не собираюсь разговаривать с тобой, пока ты пьяна.

Резким движением, он хватает меня, и закидывает к себе на плечо, словно я какой-то мешок с его собственными выходками. Я брыкаюсь.

– Отпусти! Дикарь!

Мужчина бросает меня в кровать, и быстро уходит, прихватывая с собой ключ из замочной скважины. Он закрыл меня!

Подрываюсь с кровати, начинаю молотить кулаками в дверь.

– Ты не можешь меня закрыть!

– Дай знать, когда придешь в себя.

– Дерьмо. – Рычу я. – Я ненавижу тебя! Ненавижу! Ты понял?

Утро наступило рано, в том смысле, что обычно я встаю не раньше десяти. Яркий свет режет глаза. Не помню, как уснула, но точно знаю, что шторы были завешаны. Голова не болит, что крайне удивительно. Потягиваюсь, вспоминая вчерашний вечер. Тошнит от самой себя. Я просто идиотка. Самое глупое, что на самом деле, я хотела чтобы Адриан вернул меня обратно, но не таким способом. Понятия не имею, на что еще надеюсь. Очнись, тупица. Этот кусок дерьма вытирал о тебя ноги почти целый год.

Поворачиваю голову, замечаю на прикроватной тумбочке поднос с едой и стаканом воды, приподнимаюсь на локтях, рядом со стаканом две таблетки. Выпиваю всю воду, иду к двери, дергаю ручку, заперто.

– Эй! – Ударяю ногой. Больно. И хрен кто меня слышит.

Быстро принимаю душ, возвращаюсь к попытке выйти отсюда. Если он не выпустит меня, я вылезу через окно. Третий этаж. Надеюсь, найдется вариант получше.

Неожиданно для меня самой, дверь открывается. Девушка в черно-белой форме, стоит передо мной бледная, как смерть, в ее руках тарелка с чем-то, что похоже на жаркое из говядины, пасту, украшенную оливками и зеленью.

Я пропускаю ее внутрь, она ничего не говорит, просто хлопает глазами, руки почему-то дрожат. Я всегда боюсь та-

ких выражений лица, обычно ничего хорошего они не предвещают.

– Что-то случилось? – Осторожно спрашиваю я.

– Он..

Адриан? Что-то случилось с этим мерзавцем. Я замираю. И одна часть меня хочет, чтобы его придавил грузовик, а другая изнывает от страха.

– Я не могу это сделать. – Пищит девушка, чуть ли не плача.

– Сделать, что?

– Этот человек.. – Шепчет она. – Сказал, чтобы я опрокинула Вам это на голову.. Сказал, если не сделаю, то он уволит меня. Я.. Я не могу..

Что?

Издаю смешок.

– Совсем ума лишился.. Давай сюда эту тарелку.

– Что мне делать?

– Ничего, давай тарелку. Где он?

– В гостиной. Ждет завтрак. Вы.. Вы сказали, что он любит..

– Черт. Я разберусь.

Он разозлился из-за оливок или прожарки? Забираю тарелку. Девушка хнычет и перекрывает мне путь.

– Он сказал, что нельзя Вас выпускать.

– Уйди. – Отталкиваю ее, спускаюсь в гостиную, останавливаюсь у двери, держа тарелку в руке, сверлю Адриана

взглядом, тот оборачивается через считанные секунды.

– Мило с твоей стороны. – Говорю я, закидывая в рот одну оливу, затем вторую. Никакой реакции, абсолютное безразличие, отворачивается, словно меня и нет тут вовсе. Утыкается в лэптоп, что-то печатает.

Я не собираюсь это просто так оставлять. Я не невидимка! Подхожу ближе.

– Ты настолько труслив, что запугал девушку, заставляешь ее делать отвратительные вещи, вместо того, чтобы глядя мне в глаза..

Лэптоп захлопывается.

– Думаешь, я боюсь испачкаться? – Поворачивает голову.

– А это мы сейчас проверим.

Не медля, я переворачиваю тарелку с едой ему на голову, какое-то время, Адриан смотрит на меня, нет, он не удивлен, это не в его стиле, но кажется, что сейчас тот момент, когда он решил убить меня. Я отступаю назад, а затем вовсе решаю побежать, как трусливая девчонка, мужчина быстро догоняет меня и в этом нет ничего забавного, он сильно хватает меня за руку и тащит в комнату, в ванную, он бросает меня на пол, открывает холодную воду и начинает поливать меня ею, пытаюсь встать, но снова оказываюсь на полу.

– Я надеялся, что ты поумнела, или хотя бы протрезвела.

Он оставляет воду открытой и быстро удаляется, я закручиваю кран, слышу, как захлопывается дверной замок. Запер меня.

– Ты грязное животное, Адриан! – Ору так, что горлу больно.

Не могу поверить, что любила этого скота.

10 Апреля 2014

Лежа на кровати, закутанная в простынь, вдыхаю аромат, оставленный на ней Адрианом, наблюдаю за тем, как он одевается, за движением мышц его спины, когда он одевает футболку.

– Куда ты идешь?

Он никогда не остается со мной, в лучшем случае уходит еще до того, как я проснусь.

Молчит.

– Адриан!

– У меня нет для тебя ответа. – Резко отвечает он, затягивая шнурки кроссовок.

– Номер снят до восьми, ты мог бы остаться.

Тишина. Я начинаю злиться, и это не потому что я злюсь по-настоящему, а потому что это единственная моя защитная реакция в те моменты, когда я готова упасть на пол и реветь.

– Если ты уйдешь, то больше не вернешься ко мне.

– Ты говорила то же самое на прошлой неделе. – Накидывает кожаную куртку. Последний элемент. Наконец, оборачивается ко мне. – Ты нравишься мне не больше, чем другая любая женщина. Не набивай себе цену, bērnns.

– Я сегодня же расскажу все маме!

– Вперед.

После этого дверь захлопывается, я даю волю слезам и избиваю ни в чем не повинную подушку. Каждый раз, когда он уходит, постель остается холодной, но все еще пропитанная запахом его парфюма, такого легкого еле ощутимого, но узнаваемого из тысячи.

Ничего я маме не сказала, это бы означало, что я потеряю Адриана навсегда, а даже мысль об этом заставляла мои внутренности дрожать. Я стараюсь подавлять эти эмоции, потому что знаю, что однажды этот мужчина может исчезнуть навсегда, у него нет правил, и я должна быть готова к этому в любой момент своей жизни. Он разрушал меня и в то же время собирал по кусочкам, я не могла ему сопротивляться. Мне одинаково плохо с ним и без него абсолютно невозможно. Но однажды он уйдет, знаю, поэтому я обязана закончить это первой.

27 Марта 2017

Он запер меня, неделю назад. Все это время, я не видела ни его, ни чего-либо другого, кроме этой комнаты и домработницы Натальи, которая приносила мне еду. У меня был шанс сбежать, но тогда бы я подставила невинную девушку, которая умоляла меня не делать этого, да и за ворота мне не выйти.

Дверь открывается, я как обычно встаю с постели ни чуть не позаботившись о своем внешнем виде, на мне помятая пижама, растрепанные волосы, и как всегда я ожидаю увидеть в дверях Наталью, но сейчас не время обеда, и я уже завтракала.

Адриан. Как ни в чем не бывало, он нагло заходит в мою комнату, с той же наглостью смотрит на меня, а я горю желанием наброситься на него и выцарапать глаза.

Он швыряет на кровать большой бумажный пакет, я жду объяснений, и я все еще хочу выйти из комнаты.

– Что это?

– Приведи себя в порядок.

Нахальное замечание, но откуда у этого человека представление о тактичности.

– Я хочу выйти.

– Наденешь все, что лежит в пакете, будь готова к семи.

– Для чего?

Нет ответа. Он просто идет обратно. Будто разговаривать со мной – сущее наказание, словно я само отвращение для него.

– Адриан.

Он останавливается. Мой голос мягкий, хотя я предельно зла, и больше на себя, чем на него. Бесполезно злиться на этого человека, я уж это точно знаю. Может мне и не известно многого о нем, то есть почти вообще ничего, но я выучила его привычки и манеру поведения, по отношению ко мне, по крайней мере.

– Чего ты хочешь от меня? – Спрашиваю я.

Он стоит так, спиной ко мне, еще считанные секунды, я умоляюще смотрю на него, и благодарна, что он не видит, и просто уходит. Падаю на кровать. Это невыносимо. Еле ощутимо, едва колко, странно.. Я не могу любить его спустя столько времени. Ненавижу его за то, что он все еще где-то там внутри. Хочется сжечь все дотла, чтобы даже не помнить его имени. Адриан. Оставаясь с ним на одну секунду, всегда хочется, чтобы он задержался подольше и ненавижу это желание. Это как яд в крови, от которого очень тяжело избавиться, но необходимо, иначе, в конце концов, он разрушит тебя изнутри.

Вытряхиваю содержимое пакета, немного ошетиниваюсь. Он купил мне одежду? И обувь.. Серьезно? Аккуратно беру тонкую черную мерцающую ткань в свои руки, что-то па-

дает, когда разворачиваю, маленькая коробка. Серьги. Жемчуг. Платье похоже на черный, переливающийся на свету сатин. Даже не знаю, что это за ткань, такая мягкая. Адриан купил мне одежду. Вариант один: он спятил. Вариант два: Инопланетяне захватили землю, пока я была заперта, они подменили разум Вестардо. Третий вариант: он придумал какое-то извращение, что-то в его духе.

Я была готова к семи, как и сказал Адриан, не знаю, для чего этот цирк, но мне дико надоела эта пижама и собственный угрюмый вид, к тому же я хочу, чтобы этот мужчина видел меня. Я могу быть красивой, элегантной, но как я уже успела понять, Вестардо абсолютно все равно как, я выгляжу, его любимая одежда на мне – ничего. Так было раньше, и я не знаю, поменялось ли что-нибудь. Вряд ли. Всегда искала ему оправдание, в грубости, холодности, искала что-то, чего мне так не хватало, чтобы научиться любить его без ненависти. Не выходило. Я всегда знала, как начнется и закончится наш вечер, как наступит утро. Радовалась его взглядам, прикосновениям, даже просто его дыханию, а утром ненавидела себя и его.

Дверь открывается, на Адриане темно-синий костюм и белая рубашка с небрежно расстегнутой последней пуговицей, эта плебейская манера делает его более открытым, но лишь визуально, разумеется. Я провожу руками по тонкому сатиновому платью, убеждая себя в том, что село оно идеально.

Волосы я откинула на один бок, чтобы открыть взор на оголенные плечи и маленький жемчуг в ушах.

– Ты ведешь меня на свидание, Вестардо? – Стараюсь разрядить обстановку, немного ехидничаю, ни одна мышца на лице Адриана не дергается, он быстро оглядывает меня с ног до головы и кивает на дверь. Не удачная шутка.

О, Господи, свежий прохладный воздух проникает мне в легкие, не думала, что так сильно заскучаю по улице, такого не было даже при жизни Петерсона, я могла гулять во дворе и в саду.

– Куда ты меня везешь?

Мы садимся в машину, я и Адриан на заднее сидение, водитель открывает для меня дверь. Обычно я сама люблю водить, но этот жест немного приятен, я забыла, как это, когда за тобой ухаживают, хотя бы водитель.

– Ты хорошо выглядишь. – Говорит Вестардо, не глядя в мою сторону. Я могла бы перепутать это с комплиментом? И говорит, словно не мне. Может он гей?

– Спасибо. – Слегка прокашливаюсь. – Я все еще хочу знать, куда мы едем. И хочу добавить, что согласилась на это, только чтобы выйти из комнаты.

Пусть не думает, что на это есть еще какие-либо причины. Он не из тех, кто отведет девушку в ресторан, чтобы хорошо провести время, не из тех, кто говорит комплименты и дарит цветы. Я ждала от него чего-то большего, но теперь нет. Иногда боюсь вспоминать, как была одержима им. По-

что всегда боюсь поймать себя на чем-то теплом по отношению к нему. Не уверена, что этот мужчина даже за человека меня считает. Он запер меня, как собаку!

— Где написано, что ты можешь меня изолировать? Такого нет в договоре.

Резкий взгляд.

— Я делаю, что хочу, пока владею частью твой фирмы.

— Просто хочу знать, зачем? Если ты не хочешь меня видеть, Адриан, просто отпусти домой.

— Я не не хочу тебя видеть, любовь моя.

Зубы сводит. Что за манера? Говорить то, что не имеет смысла.

— Отпусти домой.

— Зачем? — Он, наконец, задерживает на мне взгляд. Глаза в глаза, даже не пытается посмотреть на мое декольте, словно я теперь даже не интересна, как женщина. — О чем ты думала, пока сидела одна в комнате?

— Что? — Хмурюсь. — Какая разница?

— Дома ты будешь чувствовать себя точно так же. Разве не так? — Он снова отворачивается, и это самое большое предложение, которое я слышала от него. И он, блин, прав. Где бы я ни была, чувствую себя одинаково потерянной. За деньги можно купить все, отец прав, но нельзя купить друзей или любовь, избавить себя от одиночества. Иногда мир вовсе не кажется мне реальным, думаю, что меня не существует, и нет смысла просыпаться завтра. Мне двадцать три, и я даже

не подросток уже, но до сих пор понятия не имею, чего хочу. В Латвии, когда я жила с мамой, я четко осознавала, что мне нужно прямо сейчас: Адриан, маленький дом, дурацкие шутки, несмешные комедии по вечерам, заканчивающиеся ночью любви, друзья по выходным, с пивом и чипсами, раскрошенными по полу. Я не могу купить это. Мама ушла, и вместе с ней часть меня. Может быть, она осталась где-то там в Латвии, в том доме? Не знаю. Суть в том, что нельзя жалеть о прошлом или пытаться его вернуть. Ничего нельзя вернуть, но забыть невозможно. В этом моя ахиллесова пята. Я все еще не могу забыть, ни плохое, ни хорошее. И я все еще виню в смерти мамы этого козла, сидящего рядом, и саму себя за то, что поддавалась ему.

Это произошло на следующий день после того, как она узнала о нас. Я предала ее. Я потеряла родного человека из-за мужчины, которому даже плевать жива я или мертва. Мое сердце все еще ноет, было бы проще, не появись он в моей жизни, ни тогда, ни сейчас.

Машина заезжает в почти безлюдный переулок, какого-то мало знакомого мне района, я думаю о том, стоит ли мне бояться. Это же Адриан, Алина. Да, черт, это же Адриан Вестардо и что у него на уме, одному Богу известно, а может, даже, ему нет.

Мы останавливаемся, водитель открывает мою дверь, я выхожу, рядом появляется Адриан.

– Держись рядом, не отходи ни на секунду.

– Где мы?

Ответа не последовало. Поправляю платье, чтобы не сильно открывало грудь, оно итак слишком вульгарно, где бы мы ни были, я выгляжу неприлично. Заворачиваем за угол. Оказываемся лицом к металлической двери, ведущей, по моему мнению, в какой-то подвал. Тогда к чему наряды? И что Вестардо собирается делать. Адриан дергает ручку двери и та со скрипом открывается, мы оказываемся в маленькой комнатухе заполненной противным желтым светом и завешенной красными бархатными занавесками. Двое высоких мужчин кивают нам. Один из них открывает большую тетрадь в твердой обложке.

– Адриан Вестардо. Дама со мной.

Мужчина в черном костюме кивает, все это похоже на эпизод какого-то криминального фильма, а само место напо-

минает одну из улиц Нью-Йорка, где постоянно происходит что-нибудь нехорошее. Я волнуюсь, это больше как выброс адреналина, нечто приятное и в то же время не очень. Неведение, вот что злит больше всего.

Красные занавески распахиваются перед нами, и мы погружаемся в полумрак, в легкую джазовую музыку в стиле двадцатых и сигаретный дым.

Оглядываюсь по сторонам, Адриан слегка толкает меня локтем.

– Не разглядывай. – Шипит он, продолжая идти, через огромный зал, заполненный людьми: полуголыми хихикающими женщинами, сидящими на кожаных золотистых диванчиках, мужчинами, которых они развлекают. В помещении запах не только сигарет и алкоголя, но и жуткого разврата.

– Это что бордель? – Пищу я.

– Заткнись. – Грубо отвечает он и натягивает улыбку, когда мимо проходящая девушка, на которой из одежды только короткие кожаные шорты, подмигивает ему.

– Ты притащил меня в бордель, Вестардо. – Бубню я. – Ясно, ты же извращенец. Оставишь меня здесь? В смысле я не буду шлюхой.

– Из шлюхи уже нельзя сделать шлюху, и нет я не оставлю тебя здесь. Закрой рот.

– Ээ.. ч..

– Закрой рот.

Грубиян. Хам. И он только что назвал меня шлюхой?

Какая-то девушка в костюме тигрицы идет нам навстречу, улыбаясь во весь рот, она здоровается с Адрианом, и я вижу, что они знакомы.

– Кто эта юная леди, Адри?

Адри. Серьезно?

– Подруга.

– Подруга или ты привел новенькую? – Трогает пуговицы на его рубашке. Тот быстро убирает ее руку, девушка наиграно дует губы.

– Просто подруга. Лика на месте?

– Видела ее час назад. Зачем тебе Лика, Адри? – Снова улыбается. – Я могу скрасить твою компанию. Вместе с тобой прекрасной подругой. – Смотрит на меня, я вскидываю брови кверху и, ее взгляд снова возвращается к Вестардо.

– В другой раз.

Мы уходим, оставляя девушку позади.

– Значит ты в почете у местных шлюх. Зачем привел меня сюда?

– Да, любовь моя, каждая шлюха в восторге от моего члена. Тебе тоже нравилось, помнишь? Кое-кто хочет познакомиться с тобой.

– Ты вонючий кусок дерьма, Адриан.

Он никак не реагирует на мое оскорбление, а я бы хотела, о да. Это в очередной раз означает, что я абсолютная невидимка для него. Интересно, кто-нибудь вообще способен вы-

вести этого человека из себя? Вот меня легко. Особенно он может сделать это безо всякого труда.

— Куда ты меня ведешь?

— Проходи.

Мужчина хватает меня за руку и заталкивает в какую-то, только что открывшуюся дверь.

— Полегче, Адриан. — Женский голос позади меня, заставляет обернуться, женщина хихикает, затем хмурится, я пристально наблюдаю за ней.

— Привет дорогой. — Улыбка просто не сходит с ее лица, я все еще надменно пялюсь. — А ты Алина, верно? Приятно познакомиться, я Анжелика, для друзей просто Лика. Я же, надеюсь, мы подружимся?

Она протягивает руку, я даже не шевелюсь.

— Не будь дикаркой, поздоровайся. — Рычит Вестардо.

Дикаркой? Я даже не знаю, для чего здесь, и кто эта женщина. На зло ему, не пожму этой женщине руку. А она симпатичная, молодая, не больше тридцати, блондинка, и выставила свою грудь вперед так, словно готова запрыгнуть на коекого в этой комнате. Интересно, она спала с ним? Конечно. Наверное, это очевидно.

Она, наконец, убирает свою руку, понимая, что не дожидается от меня ответа, и приглашает нас сесть за маленький стол, цвета слоновой кости, на котором красуется бутылка красного вина и тарелка с фруктами.

Отодвигаю стул, сажусь, Адриан разливает вино по бока-

лам, я наблюдаю за чересчур улыбчивой Анжеликой, та наблюдает за мной. Мило.

– Итак. Что я здесь делаю?

– Какая она нетерпеливая. – Женщина хохочет, Вестардо кидает на меня пронзительный взгляд, я знаю его, это своего рода предупреждение.

– Я просто хотела поговорить с тобой, детка. – Ее взгляд становится печальным. – Александр был сильным и прекрасным человеком. – Что за чушь она несет? Александр Петерсон – полный отстой, старый узурпатор.

– Но не будем о грустном. Ты такая милая, не удивительно, что он женился на тебе. Правда, она красотка, Адриан?

Кидаю на мужчину взгляд, тот смотрит в ответ, но ничего не говорит. Меня душит этот зрительный контакт, прерываю его первой, сглатываю ком.

– Ты из Латвии? Как твоя фамилия?

– Мама Латвийка, я родилась в России.

– Мило. Должно быть, твоя мама красотка. – Делает глоток вина, я делаю сразу два, затем еще один.

– Да, была. – Смотрю на Адриана. – Она умерла.

– Прости, пожалуйста. Мне так жаль. Ты такая юная. – Она жалеет меня, причем делает это абсолютно неискренне.

– К делу, Лика. – Шипит Вестардо. Его взгляд встречается с моим. Он знает, понимает, о чем я думаю. Мы два предателя. Я и он. Он знает, что я виню нас обоих, и должна бы больше винить себя, но ненавижу его, я надеюсь, он знает об

этом. Мы с мамой обе стали жертвой этого мужчины. Он не любил ни одну из нас. Черт, какая любовь? Даже не уважал, маму, может и да, меня не ставил даже выше дворовой собаки. Пример тому сегодня, он сравнил меня со шлюхой. Вот кем я для него была.

– Хорошо, не сердись. Так как вы оба прямые наследники Александра, и он владелец пятидесяти процентов этого места. Я позвала тебя, Алина.

Смотрит на меня.

– Чтобы мы смогли как-то договориться.. Твой муж не оставил никаких документов..

Фыркаю, женщина замолкает и удивленно хлопает глазами.

– Вы серьезно думаете, что мне нужен это бордель? – Издаю смешок. – Зря ты меня сюда привел. Это какой-то бред. – Смотрю на Адриана, который словно вообще не при делах, его взгляд заиклен на бокале с вином, который он крутит в руке. Я встаю, мужчина резко дергает меня за руку, я плюхаюсь обратно на стул.

– Мне дорого это место, как бы ты его ни назвала. – Поразительно, как она спокойна. Кажется, одна я тут, не в своей тарелке.

– И чего Вы хотите? Я ни на что не претендую. Я хочу уйти..

– Пожарная тревога! Внимание, пожарная тревога. Немедленно покиньте помещение! – Оглушающий звук, до-

носящийся из динамиков расположенных на потолке, закладывает уши. Мы все подрываемся с места, Адриан несется к двери и распахивает ее, густой туман прорывается внутрь, Вестардо быстро закрывает дверь. Мое сердце дрожит. Что за черт? Кто-то орет, женские голоса не умолкают. Затем какой-то грохот, что-то или кто-то громко падает, затем выстрел, я вздрагиваю, кажется еще один, закрываю уши руками.

– Не выходите отсюда, пока я не вернусь за вами, ясно? – Адриан смотрит сначала на Анжелику, затем на некоторое время задерживает взгляд на мне, я лишь хлопаю глазами. – Я спросил, ясно!?

Молчу, медленно киваю, сама без понятия, что делаю и о чем думаю. Мужчина быстро открывает дверь и так же быстро скрывается за ней, запах какого-то газа врывается в комнату, я прокашливаюсь. Что там происходит? Начинаю расхаживать из угла в угол.

– Успокойся. – Говорит Анжелика. Разворачиваюсь на каблуках.

– И часто здесь такое происходит?

Качает головой.

– Но ты не паникуй. Адриан вытащит нас. – Улыбается. Она улыбается мне.

Адриан нас вытащит? Он сам-то где? Черт. Сколько времени прошло? Кажется, все поутихло, но я все еще чувствую этот запах, это даже не похоже на дым, словно кто-то газ

открыл. Снова выстрел. Меня начинает трясти. Хотя бы я ошиблась и, это было вовсе не то, о чем я думаю. Я не могу здесь сидеть. Где же ты, кусок вонючего дерьма?

– Нужно выбираться. – Говорю скорее сама себе.

– Не говори глупости. Жди.

– Ждать? – Буквально пищу. – Чего? Где Адриан? Может что-то случилось с ним! Ждать чего, пока мы задохнемся здесь?

– Не волнуйся о нем. – Спокойно отвечает Анжелика.

Да меня просто трясет от ужаса. Я выхожу за дверь, захопываю ее, прижимаясь к ней спиной. Клубы дыма мешают дышать, и видеть, закрываю рукой лицо, пытаюсь что-то разглядеть. Иду вперед. Спотыкаюсь о что-то мягкое. О, Господи. Мертвый. Человек. Девушка. Хочу заорать.

– Адриан! – Кашляю. – Одной рукой пытаюсь нащупать куда иду, второй прикрываю нос и рот. – Адриан! – Снова кричу.

Тишина давит не меньше, чем этот дым, все плывет перед глазами. Где все? Где Вестардо? Если его убили, как того человека о которого я споткнулась? Нет. Мысли отстой. Почти не могу дышать.

– Ты слышишь меня, кусок дерьма.. – Горечь заполняет легкие, не могу откашляться, опираюсь спиной на что-то. – Адриан! – Голос срывается, я снова пытаюсь идти, ноги слабеют, снова спотыкаюсь, почти падаю. Мозг прекращает работать, я словно куда-то падаю. Неужели я умру таким мерз-

ким способом? Задохнусь, в поисках Адриана Вестардо в гребаном борделе.

Кто-то хватает меня сзади, я от неожиданности, пытаюсь закричать, но поток дыма застревает в глотке, чья-то сильная рука зажимает мне рот, я чувствую крепкое мужское тело, к которому теперь прижата, вся дрожу, и почти уже ничего не соображаю, хотя как-то пытаюсь вырваться.

– Тсс.. Тихо. – Он шепчет мне на ухо, обжигая кожу горячим дыханием. Я мысленно выдыхаю от облегчения, хоть и физически не могу этого сделать. Адриан, медленно ведет меня за собой, одна его рука обволакивает мою талию, другая зажимает нос и рот, я чувствую, что уже почти нет воздуха, мои ноги подкашиваются, Вестардо хватает меня крепче, затем отпускает свою руку и разворачивает меня к себе, как мне кажется, я ведь даже не вижу его, только чувствую. Снова кашляю.

Он протягивает мне что-то, какую-то тряпку, прикладывает к моему лицу, я случайно хватаю его за руку, что-то мокрое и скользкое соприкасается с моей кожей. – Старайся дышать. – Шепчет он, и я слышу, что ему самому сложно говорить. Я не собираюсь умирать с тобой вместе, даже в один день, это очень-то лично, так пишут в книгах, типа «И умерли они в один день». Ага, хренушки.

Он снова тащит меня за собой, я прижимаю тряпку к лицу, чтобы хоть как-то дышать. Через несколько минут яркий свет и прохладный воздух ударяют мне в лицо, я сгибаюсь

пополам и начина кашлять без остановки.

Вспоминаю об Анжелике и других людях. Что с ними стало? Кто тот человек, о которого я споткнулась? Это была девушка, наверное.. Она умерла отстойно. Должно ли быть так? Нет. Адриан тоже прокашливается, но не так активно как я. Все еще плохо вижу. Инстинктивно сажусь на холодный асфальт, упираясь ладонями в не до конца, растаявший лед, оборачиваюсь. Двое парней – охранников лежат у двери, как оловянные солдатики, как мертвецы. Отползаю назад. Теплые сильные руки поднимают меня.

– Идем. – Низким голосом говорит Вестардо.

– Они мертвы?

– Нет, это газ.

– Что с остальными? – Я торможу ногами по асфальту.

– Плевать на остальных.

Ничего другого я не ожидала от него услышать.

Адриан дотаскивает меня почти на себе, и почему-то сам идет слишком медленного, добравшись до машины, он бросает меня на заднее сидение, я разваливаюсь, откидывая голову назад, тяжело дышу. Водитель ошарашенно смотрит на нас обоих, но не осмеливается что-либо сказать.

– Поехали отсюда.

– Домой?

– Нет. В мою квартиру.

Машина стартует и, уже через несколько минут мы оказываемся на трассе, едем почти сто двадцать километров в час.

– Что это было.. – Замолкаю, когда, наконец, решаю посмотреть на Адриана, его брови сведены к переносице, и в целом выглядит угрюмо, можно сказать, что он всегда такой, и все это нормально, но сердце мое замирает, когда я вижу, что его руки все в крови, кажется, я снова задыхаюсь. Он убил кого-то? Нет. Он ранен. Его правое плечо так же все в крови. Хмурюсь, стискиваю зубы.

И я снова невидима, для него. Козлина.

Я отворачиваюсь, потому что совершенно не знаю, что сказать. Слышу, как Адриан звонит кому-то.

– Если это твоих рук дело, я убью тебя. – Это все что он говорит. Медленно поворачиваю голову, его белая рубашка пропитана кровью, сам он немного бледный.

Брось думать об этом, Алина!

– Ты бросил свою подругу. – Мой голос немного дрожит, это вообще не то, что я хотела сказать.

– Я сказал тебе оставаться на месте. – Говорит он монотонно, и я слышу капельки гнева в этом тоне.

– Я слышала выстрел.

Смешок.

– И ты вышла. Тупая дура. – Выплевывает он.

– Я искала тебя! – Повышаю голос, потому что единственное, что не понятно этому человеку, это то, что я совершаю глупости именно по его вине. Меня до сих пор всю трясет изнутри, а он только хмурит брови, пока кровь, которая, кажется, не останавливается.. – Я-я..испугалась. Ясно!?

Он больше ничего не говорит, его суровый вид, свидетельствует о том, что он разозлен, я бы сказала, взбешен, но почему-то держит себя в руках.

– Тебе больно? – Тихо спрашиваю я, и тут же захлопываю рот, желая навсегда откусить себе язык.

Ничего. Ни ответа, ни привета. Если его подстрелили, то нужно обязательно поехать в больницу. Я не могу перестать думать об этом. Это полное безумие. Если он умрет от кровопотери? Куда мы вообще едем? Или умрет от инфекции. Если я скажу о больнице? Нет, он сделает все наоборот. Что, черт возьми, происходит? Почему я вообще оказалась в подобном дерьме? Чуть более недели назад я снова встретила Адриана Вестардо и уже попала в какие-то неприятности.

18 мая 2014

Адриан

Ненавижу это. Почти каждый раз, когда закрываю за собой дверь, мне приходится уйти максимально быстро, чтобы не слышать того, что происходит в комнате. Но я все равно слышу, как она плачет. Даже когда прикидывается, будто спит, я только делаю вид, что не замечаю, что она уже проснулась. Ненавижу, блять, это больше всего. Хочется вернуться и задушить, сломать ее тонкую шею, чтобы больше никогда не слышать ее голос, никогда не видеть ее умоляющего взгляда. Я давно не позволяю себе привязываться к кому-либо, и не позволяю привязываться к себе, должно быть, я где-то облажался. Но это, мать вашу, вообще нихера не меняет моего отношения к ней. Мне нравится ее трахать, и ей это нравится, но когда она переходит границы, я готов ее убить. Женщины такие глупые, особенно молоденькие хорошенькие дурочки вроде Алины. Чем хуже к ним относишься, тем лучше ты, блять, становишься для них. Иногда я хочу, чтобы она послала меня нахуй, и я бы мог все равно взять ее, потому что знаю, что она хочет меня не меньше, чем я ее, но я вижу страх в ее глазах, она боится, что я уйду. И признаться, я пользуюсь этим. Эта девчонка гребаное наказание, боюсь провалить из-за нее все. Нужно остановиться.

Напоминаю себе об этом каждый раз. Я не могу так работать, это нарушает все планы. И я ненавижу ее за это. И заставляю ее ненавидеть меня, потому что это все, что она должна испытывать ко мне. Я не ее принц на белом коне. Я кошмар ее жизни. Маленькая сука. Испытывает меня каждый раз. Поэтому я ухожу. Ничего лишнего, любовь моя.

Мы не виделись уже две недели, и я думал, что это, сука, конец. Нет. Кого бы я ни трахал, открываю глаза и думаю: это не она. Пошла к черту! Сегодня она возвращается с каких-то курсов по фотографии. Сегодня я покажу ей кто я на самом деле. Потому что у меня нет выбора. В любом случае, она исчезнет из моей жизни.

Иногда я хочу, чтобы Алина исчезла, стерлась из моей памяти. Всегда хочу. Потому что разрывает. Я бы мог купить ей билет на самолет в любую точку планеты и сказать, чтобы она никогда не возвращалась. Это не может быть реальностью. Потому что я, есть я. Я выполняю свою работу грамотно, качественно и быстро. В этот раз все немного затянулось.. Я бы хотел узнать, как это предотвратить. Лика позвонила утром, планы изменились, Алина должна вернуться в Россию. Как я, мать вашу это должен сделать? Я могу заставить ее сосать мой член, но не отправить в другую страну. Может быть, я просто не хочу. И я рискую всем, поэтому нужно решить. Потащить ли ее в ад, либо остаться в нем одному.

27 Марта 2017

Мы поднялись на лифте на двадцать пятый этаж здания, за все время никто из нас не проронил ни слова. Когда Адриан открыл дверь квартиры, он пропустил меня вперед и огляделся вокруг. Что-то беспокоило его, и это что-то беспокоило меня тоже, не считая всей этой крови на его руках и одежде.

Я аккуратно присела на большой кожаный угловой диван прямо у огромного панорамного окна.

– Это твоя квартира? – Спросила я, ударив ладонями по собственным коленям. Закусываю губу, чтобы не сболтнуть что-нибудь еще. Адриан бросает свой пиджак рядом со мной, наблюдаю за каждым его движением. За пиджаком следует рубашка, я закрываю глаза при виде его плеча. Мне должно быть все равно, потому что кто из нас пострадал, так это я! Вообще неизвестно чем все могло закончиться.

– Ты будешь жить здесь. – Резко отвечает мужчина и направляется куда-то, должно быть в ванную, я медленно, на носочках следую за ним. Слышу, как за приоткрытой дверью шумит вода.

– Что значит жить здесь?

– Это мое решение. Так нужно.

– Я не понимаю.

– И не должна.

Открываю дверь, вижу как Вестардо, стоя у зеркала пытается дотянуться до раны за плечом, чтобы промыть ее. Его взгляд находит мой.

– Нужно вызвать врача.

– Нужно заткнуться и перестать пялиться. – Рычит он. Я сглатываю ком, когда его мышцы дергаются от напряжения. Подхожу ближе, забираю мокрую тряпку из его руки, он хватывает ее обратно, угрожающе сверля меня глазами. Я не боюсь тебя, Вестардо.

– Дай сюда.

Смотрит.

– Признай, что не можешь сделать это сам. Прими мою помощь.

Снова тяну руку к его руке, он расслабляется и отдает мне тряпку. Вижу, как сложно ему это дается, теперь он словно доверяет мне, и это впервые в жизни, что он делает нечто подобное.

– Это.. было ограбление? – Намочив кусок ткани, я прикладываю ее к руке Адриана, сначала аккуратно вытираю кровь вокруг раны, затем осторожно промываю само ранение, мои руки дрожат.

– Без понятия.

– В тебя стреляли?

Молчит.

– Это опасно? – Я хочу знать, что он не умрет от этого,

хотя должна бы желать обратного.

– Нет. – На удивление отвечает он. – Пуля почти не задела меня.

– Что с теми, кто там остался?

– Много вопросов, Алина, раздражаешь.

Меня действительно волновала судьба тех людей, ведь я не видела, чтобы кроме нас с Вестардо, кто-нибудь покинул помещение. Я ничего больше не говорю, но Адриан злится на меня, поэтому отталкивает назад и вырывает тряпку из моих рук. Его глаза бегают по моему лицу, дыхание как у разъяренного тигра.

– Больше никогда не делай так, поняла?

– Я.. я ничего не сделала.

– Ты пошла за мной, я слышал, как ты звала меня, идиотка. Мне пришлось пойти к тебе и нарваться на пулю. Если я говорю стоять на месте, ты стоишь на месте, ясно? Если говорю прыгать, ты прыгаешь, усекла?

Еще секунду назад мне показалось, что он каким-то чудесным образом стал волноваться обо мне, то сейчас я спускаюсь на землю и вспоминаю, кто вообще стоит напротив меня.

– Я не твоя собственность.

Больше нет.

Адриан хватает меня за подбородок, сильно сжимая, вздергивает мое лицо кверху, я случайно выпускаю легкий стон. Это, что он обычно делал, когда возвращался отку-

да-либо злым, и хотел меня. Дрожь пробежала по моему телу и воспоминания накрыли судорожной волной приятной боли внизу живота.

Он смотрел так словно собирался впиться в мои губы, страстно и жадно, как делал это раньше, но он просто смотрел и, наверное, понимал, что я черт возьми готова, потому что я увидела пляшущих чертиков в его глазах и легкую ухмылку.

– О, да. Ты моя собственность, *mana mīlestība*.

Поджимаю губы, и резко избавляюсь от хватки Адриана, его рука на мгновение так и остается повисшей в воздухе.

– Никогда больше не смей называть меня так. – Шиплю я. – Ты понятия не имеешь, что такое любовь.

Его выражение лица меняется, чертики исчезают и, он снова становится суровым, его желваки дергаются несколько раз.

– Как и ты, ребенок.

Это все, что он говорит. Выплевывает это, словно делает нас похожими, но это не так. Привкус отвращения появляется у меня во рту.

Ты же понятия не имеешь, что я чувствовала и чувствую, Вестардо. Мы никогда не станем похожими.

29 Марта 2017

– Не начинай, пап, я прошу тебя. Каждый раз я слышу одно и то же. Ты знал, что этот мужчина жил с мамой?

– Правда? – Не звучит, словно он заинтересован.

Издаю смешок.

– Конечно, ты знал.

– Всего два месяца, Алина. Фирма будет нашей, ты вернешься домой..

– Ты слышишь? Он запер меня! Я разгуливаю по дому в полотенце, потому что другой одежды у меня нет!

Слышу, как отец вздыхает, затем щелчок дверного замка. Я оборачиваюсь.

– Ты подписала договор. – Говорит Адриан, бросая на пол чемодан.

– Я отправлю тебе одежду водителем. – Слышится в трубке.

– Не нужно. – Резко отвечаю я. Сбрасываю. Пошел в задницу, папочка! Хочется швырнуть телефон и попрыгать по нему.

– Здесь некоторые твои вещи. Остальное завтра, слишком много у тебя тряпок.

– Думаешь, я подписала этот договор, по своему желанию? – Подхожу ближе, придерживая полотенце рукой, Ад-

риан смотрит исключительно на мое лицо, сверху вниз.

– Ты сделала это с гордо поднятой головой, не разочаровывай меня.

Он прав, я выделялась. Хотела показать, что теперь я другая, не такая дура, которую он запомнил. А теперь он смеется надо мной!

– Я хочу выйти!

– Я сообщу тебе, когда это станет возможным.

Он уходит, захлопывая за собой дверь, я ударяю по ней рукой, затем пинаю чемодан. Ауч.

Звоню Лизе. Недоступна. Оставляю сообщение на автоответчик:

– Звоню, чтобы извиниться за прошлый разговор. Захочешь поговорить, перезвони.

Кудрина перезвонила примерно через полчаса, я сразу побежала к телефону, после того, как обшарила всю кухню в поисках еды.

– Извини. – Это первое, что я сказала.

– Все нормально, ты же была права. – Тяжело вздыхает. – Как насчет встретиться?

– А как же твой парень?

Это хорошая идея, но не уверена, что смогу выйти отсюда. То есть, я уверена, что не смогу.

– Ох, мы расстались.

– Уже? – Мой тон показался слишком грубым. Это зву-

чало типа: «Ха, я так и знала». Она же вообще неспособна строить отношения, как собственно говоря, и я. – Извини, блин, просто только неделя прошла..

– Я переспала с его братом.

– Ты.. что? О, Господи.

– Да ладно, я с самого начала знала, что это глупо. Жить вместе с кем-то вообще не мое. Я люблю мужчин.. Разных.. А это все.. Готовить еду. Нет. Это слишком.

Смеюсь.

– Приезжай ко мне.

– Правда? Ладно. – Она кажется удивленной. – Красное полусладкое?

– Ага. И стой.. еда, привези что-нибудь поесть.

Лиза фыркает.

– У Госпожи Раковска закончились деньги?

– Это долгая история. Я скину тебе геолокацию с телефона.

– Ты не знаешь адрес?

– Долгая история. Двадцать пятый этаж, восемьсот пятая квартира. Захвати еду.

Кладу трубку, быстро нахожу номер Адриана, на который он якобы разрешил мне звонить и на самом деле, я никогда не собиралась делать это, но сейчас нет выбора, поэтому я злюсь, и проглатываю эту злость вместе с огромным комом в горле.

– Если звонишь от безделья..

– Мне нужен код от двери.

Вздыхает.

– Я же сказал тебе..

– Ко мне придет подруга, я должна как-то открыть дверь.

Молчит.

– Ты слышишь? Мне нужен код. Я есть, блин, хочу!

– Если ты куда-то уйдешь..

– Я не уйду.

– Триста восемь – поворот влево, сорок шесть – два раза вправо, сто сорок восемь – четыре влево.

Есть. Кладу трубку. Триста шесть..Нет, триста восемь – влево, сорок восемь? Сорок шесть – вправо, сто сорок восемь – влево.

Сразу открываю дверь, чтобы не забыть код. Щелчок. Звучит как свобода. Нет, я не собираюсь бежать. Если Адриан и не станет меня искать, то собственный отец порвет меня на Британский флаг. Сидеть взаперти это не то же самое, что трахаться со старым дедом, если я это вытерпела.. Не хочу вспоминать.

Лиза заявляется примерно через час. Быстро. Но я хотя бы успела привести себя в порядок и переодеться из полотенца в нормальную одежду.

– О-ф-и-г-е-т-ь! Ты купила квартиру и съехала от папашки? – Лиза крутится вокруг себя, рассматривая большую гостиную с видом из окна на реку.

– Не совсем. – Мямлю я. – Еду принесла?

– О, я не знала что купить, поэтому вот. – Она протягивает мне небольшую коробку с пищей. Я выхватываю ее и проглатываю сразу два куска, почти не жуя. Ну, хоть что-то.

– Чувствуй себя, как дома, я принесу бокалы и штопор.

– Вот это квартирка, Раковска.

– Обычная квартира. – Ору я с кухни.

Когда возвращаюсь, Лиза открывает обе бутылки, которые принесла и наполняет наши бокалы, я заползаю на середину дивана и поджимаю под себя ноги, делаю глоток вина. Последняя моя одинокая пьянка не закончилась хорошо,

меня рвало, а затем я вообще пыталась сбежать домой.

– Так значит, он бросил тебя.

– Он придурок.

– Ты спала с его братом. – Напоминаю ей я.

– Ты права, но.. Все мужики козлы!

После четвертого бокала, я даже не сразу слышу, как дверь открывается, голова Лизы медленно поворачивается и она невнятно шепчет:

– Кто это?

Худший кошмар моей жизни.

Адриан проходит вперед, ничего не говоря, он идет на кухню, неся в руке какие-то пакеты. Лиза бьет меня по колену, ее глаза блестят и совсем не от алкоголя, хотя и от него тоже.

– Ты блин не сказала, что живешь..

Адриан возвращается, я выпрямляю спину и смотрю на его.

– Это мой брат. – Говорю я. Он вскидывает брови, но затем быстро опускает их на место.

– Ты не говорила, что у тебя есть брат.

– Теперь говорю. Думаю, он не заслужил знакомства с тобой. Этот человек оставил меня на сутки наедине с пустым холодильником. – Сверлю его взглядом, чувствую, как челюсть сводит от злости.

– Я купил еду. – Низким голосом отвечает Вестардо. Ни тебе извини, НИЧЕГО! А если бы я сдохла? Когда бы он во-

обще это заметил?

– Я Лиза. – Девушка подскакивает с дивана и, вытянув руку, направляется к Адриану. Ох, это плохая идея, Кудрина. Закусываю губу в ожидании чего-то мерзкого, но ничего не происходит. Уголок рта мужчины слегка поднимается, затем этот мужлан берет руку Лизы и быстро целует ее. Серьезно? Я попала в альтернативную реальность, где Адриан Вестардо превратился в джентльмена? Нет. До меня не сразу доходит, что как козел он ведет себя только со мной. Хочется ударить их, обоих.

Когда Адриан ушел, Лиза еще несколько секунд продолжала смотреть на дверь, я двинула ее локтем.

– Закрой рот, слюна течет. – Я хотела сказать без ехидства, но получилось иначе, и кажется моя подруга по бутылке этого даже не заметила.

– Твой брат.. – Смотрит на меня, наполняя бокал. – Почему ты его прятала? Он, блять, гребаный Апполон.

– Не преувеличивай.

– Да-да, тебя просто бесит, что вы родственники, не будь так, ты бы уже схватила его за яйца.

Адриан Вестардо не тот, кого можно схватить за яйца, Лиза преувеличивает силу своей сексуальности, хоть ее и смело можно назвать красоткой. Голубые глаза, длинные ресницы, всегда хороший макияж, и умение одеваться. Даже если она выглядит как проститутка, это не портит ее привлекательности.

– Фу. Не носи чушь.

– Да-да.

Мысленно бью себя по лицу. Она понравилась ему, в этом я точно уверена. Он даже улыбался. Пошел к черту! Я не вернусь к прошлому! Уже говорила и скажу еще! Этого не будет. Говорят, алкоголь делает все проще, но в моем случае он все ухудшает. Желудок скручивает при мысли об этом давно позабытом мужчине. Это все вино.

– Хочешь в клуб?

Дверь не заперта теперь, и это значит, что я могу выйти. Вспомнить былые времена, познакомиться с кем-нибудь, может даже закрутить роман. А что? Я молода. Не совсем свободна, но теперь мне не нужно выходить за кого-либо замуж по расчету. Я могу делать все! Если Вестардо думает, что прижал мне хвост, то он ошибается.

Мы бывали здесь раньше, клуб «Саранча», странное название, но на самом деле идеально подходит этому месту, потому что все, что меня в нем бесит, это полностью забитое помещение и толпящиеся у него люди, почему-то никак не убивают во мне желание вернуться сюда обратно.

Нам как всегда удается проскочить сквозь толпу к бару, который никак не разделен с танцполом и, занять место в самом углу. Лиза заказывает две водки, я отказываюсь, поэтому эта пьянчужка выпивает и мою порцию. Я беру себе Джин с тоником, который мгновенно уносит меня в незабываемо-забываемое путешествие. Проблема алкоголя в том, что если ты выпиваешь и тебя все еще не рвет, то продолжаешь пить дальше. Следующее, что я выпила был Виски – кола, и если первую порцию я ощущала как нечто горькое и горячее, то последующая прокатилась по моему пищеводу, как вода. Обычно это признак того, что пора останавливаться.

В моей сумочке вибрирует телефон, но я не обращаю на это никакого внимания и уже думаю о том, что вовсе не телефон это, а просто музыка, которая сотрясает пол под моими ногами. Лиза прекращает свою «светскую» беседу с уже знакомым нам барменом, который, кстати, успел побывать в ее трусах, и может даже не один раз, и возвращается ко мне.

– Как думаешь, я понравилась ему? – Орет она.

– Что?

Я слышу, что она спросила, но вокруг меня все такое неральное, что я не уверена, не придумала ли я сама себе этот вопрос.

– Твоему брату, думаешь, я понравилась?

Ах, вот оно что. Конечно, только этого мне сейчас не хватало. Единственное место, где я забываю обо всем, дает мне вот такую оплеуху в виде Адриана Вестардо.

– Ему нравятся все у кого есть вагина. – Отвечаю я.

– Ну, ты не знаешь наверняка.

– Я знаю.

Поверь, я знаю.

Какой-то высокий брюнет подсаживается к нам и улыбка не сходит с его лица, я пытаюсь расслабиться и стереть из головы угрюмый вид Вестардо. Потому что, вот оно что, посмотри Алина, какой милый парень, хотя наверняка ему нужен кто-то на одну ночь.

Он заказывает нам шампанское и после первого бокала, я растворяюсь в танце под сумасшедший ритм Дэвида Гетты. Кто-то смело обхватывает меня сзади и щекочет дыханием ухо.

– Ты не сказала свое имя.

Ах, парень с шампанским.

– Алина.

– Красивое имя. Я Роман. Ты здесь одна? Только подруга?

– Ты спрашиваешь, нет ли у меня бойфренда?

Смеется.

– Меня не интересует твой бойфренд. – Весьма самоуверенно.

– У меня его нет.

Кажется, я чувствую его улыбку позади, а так же его руки на своей талии. Он разворачивает меня к себе и, мы продолжаем танцевать в одном ритме, и я понимаю, что чертовски пьяна, но этот парень чертовски привлекательный.

– Если ты думаешь, что нашел девочку на одну ночь.. – В моем голосе нет никакой злобы, и кажется, я даже умею флиртовать.

– Я так не думаю. – Роман расплывается в улыбке, и в этот момент я чувствую, как нечто омерзительное подступает к моему горлу. Только не это.

– Извини, мне нужно в туалет.

Срываюсь с места, бегу к бару, хватаю за руку Лизу, которая уже с кем-то познакомилась и тащит ее за собой. Добежав до первой кабинки женского туалета, я сразу освобождаю свой желудок.

– Подержи мою сумку.

Девушка забирает сумку из моих рук, меня снова рвет, я наматываю волосы на одну руку, чтобы их не испачкать, а другой вытираю рот.

– Шампанское было лишним. – Бормочу я.

– У тебя слабый желудок, я и раньше тебе говорила.

– Ага, и никогда не останавливаешь меня.

Снова рвет. Слезы текут, и я должно быть, теперь похожа на пугало.

– Да, ладно, зато весело. Давно мы никуда не выходили. Слушай, у тебя телефон звонит.

– Посмотри кто. Только не отвеч.. – Опять выворачивает и я уже тихо молюсь, чтобы не выплюнуть в унитаз свои внутренности.

– Алло. – Лиза мурлычет. Она взяла трубку!

– Кто там?

– О, да все в порядке.

– Кудрина, мать твою! – Вытираю рот и выскакиваю из кабинки.

– Это Адриан. – Шепчет она.

Черт возьми.

– Скажи, что я сплю. Я сплю, Кудрина!

Она улыбается, как дурочка, наматывая прядь волос на палец.

– Да, все хорошо, она спит. Конечно. Да. Пока.

– Дай сюда телефон.

– Я перешлю себе его номер.

– Нет. – Подаюсь вперед, Лиза отстраняется, клацая по экрану моего мобильного.

– Он такой милый.

– Милый? Ты, что блять, издеваешься? Дай сюда.

– Да, Господи, забирай.

Выватываю телефон, выбегаю из туалета.

– Эй, ты куда?

– Домой.

– Я не хочу домой.

– Оставайся.

У выхода меня останавливает тот самый парень с шампанским, я дергаюсь как нервно больная, он все еще улыбается.

– Уже уходишь? Как золушка?

– Уже больше двенадцати и кареты у меня нет.

– Я бы подарил тебя одну.

Сейчас снова стошнит, только вот уже не от алкоголя.

– Мне нужно идти.

– Оставишь номер?

– Нет, прости. Спасибо за шампанское.

Убегаю из клуба и ловлю первое попавшееся такси.

Опускаю ручку и благодарю Господа, что дверь благополучно открывается. Я не запираю ее намеренно, потому что ключа у меня все еще нет, и как я успела понять – не будет. Вхожу, прижимаюсь лбом к двери, закрывая ее. Не смотря на то, что я опустошила свой желудок в туалете «Саранчи», я все еще ощущала похмелье. Слышу посторонние звуки, медленно выдыхаю и оборачиваюсь. Мой взгляд фиксируется прямо на Адриане, который сидит в широком бархатном кресле и что-то делает в своем телефоне. Я не отхожу от двери, продолжаю пялиться и, у меня нет сил даже испугаться того, что я возможно, влипла.

Вестардо поднимает голову и вскидывает брови, как ни в чем не бывало. А я лишь думаю, что все это значит. Затишье перед бурей или смирение с тем, что я не собираюсь сидеть взаперти?

– Доброе утро. – Безразлично процеживает он.

– Что?

– Твоя подруга, сказала, что ты спишь. Извини, я разбудил? – Издевается?

– Да пошел ты.

Иду на кухню, наливаю стакан холодной воды и сразу осушаю его.

– Мне просто интересно, ты спала прямо на баре?

Замираю. Конечно, он догадался, у меня должно быть, на лбу написано, что я напилась где-то. Возвращаюсь обратно, устремляю свой взгляд на Адриана. Его присутствие злит меня, а ему вообще хоть бы что.

– Я вышла в магазин.

– Что купила?

– Какая разница?

– Я спрашиваю: Что. Ты. Купила? – Он чеканит каждое слово.

– Прокладки! – Ору я. Лицо Адриана расслабляется, он заливается смехом, откидывая голову немного назад, затем его черты возвращаются в прежнее состояние, он уперто смотрит на меня, словно готов сожрать, и я уверена, что прямо сейчас этот человек зол, как никогда прежде. Он сдерживается, но я же вижу.

– «Саранча» теперь торгует прокладками?

Хмурюсь.

– Ты что следишь за мной?

– Нет. Но всегда знаю, где находится твой телефон.

Дерьмо. Он вставил какой-то жучок в мой мобильник. Чертов псих.

– Завтра же куплю новый.

– И что помешает мне отследить его?

Поджимаю губы, чтобы не ляпнуть чего-нибудь лишнего, складываю руки на груди, подхожу ближе к Адриану. Я понять не могу, зачем он это делает. Он использовал меня как

свой собственный эскорт прежде, и я никогда ничего плохого не делала ему. Так чего он хочет сейчас?

– Чего тебе, Адриан?

– Ничего.

– Ты появился из ниоткуда. Я же забыла о тебе, как о страшном сне! И теперь оказывается, что из шести миллиардов человек на планете племянником моего чертова мужа, являешься ты. Я хочу знать, что тебе нужно! Ты запираешь меня, отслеживаешь мой телефон.

Он молча встает, приближается ко мне, смотрит сверху вниз, наклонив слегка голову, изучает меня.

– Признайся честно, ты маньяк?

Легкая усмешка прокрадывается по его лицу. Еще чуть-чуть и, кажется, он бы засмеялся. Но нет.

– Я поменял кодовую установку, выйдешь из квартиры теперь только со мной.

Больше он ничего не говорит и направляется к двери.

– Адриан!

Останавливается.

– Я не могу так, ясно? Всю жизнь я живу по чьим-либо законам. Я пять месяцев была комнатным растением Петерсона! Оставь меня в покое или..

Подхожу ближе, почти дышу ему в спину.

– Просто скажи, чего хочешь.

Молчит. Толкаю его, что есть силы, он даже не шевелится.

– Скажи мне, хоть раз, кусок дерьма!

– Мне нечего тебе сказать!

Он резко разворачивается и, я вижу весь гнев, отчетливо прописанный на лице.

Я смотрю, задыхаясь, его желваки дергаются туда-сюда, его глаза отражение черной дыры, в которую не захочешь попасть. Ну давай, не сдерживайся, мудака.

Издаю смешок.

– У тебя недотрах, Вестардо? – Киваю. – Это все объясняет. – Делаю шаг назад, отворачиваюсь. – Ты же помешанный больной ублюдок. – Он продолжает смотреть, когда я снова поворачиваюсь лицом к нему. – Глупый вопрос. Я знаю, что тебе нужно. – Мой тон становится неким сумасшествием даже для него, потому что смотрит он так, словно видит меня впервые. Я сбрасываю с себя туфли, затем расстегиваю куртку и швыряю ее на пол, ни на секунду не сводя взгляда с Адриана.

Он наблюдает за тем, как я стягиваю через голову свой топ и отправляю его к куртке. Вестардо ничего не говорит, ничего не делает, и я принимаю это за вызов, поэтому быстро расстегиваю юбку и позволяю ей скатиться вниз по ногам, оставляя меня в одном нижнем белье. Он уходит, я догоняю его у двери, не даю пройти.

– Думаешь, я не знаю, что тебе нужно? – Тянусь к его черной кожаной, куртке и пытаюсь сорвать ее с плеч, Адриан перехватывает обе мои руки, сильно сжимая запястья, затем резко отпускает меня, отталкивая в сторону.

– Давай, раздевайся! Ты же этого хочешь! Покончим уже с этим. Нам обоим известно, что это все, на что ты способен.

– Не вынуждай меня. – Сквозь зубы процеживает он.

– Не вынуждать к чему? – Я снова оказываюсь у двери почти вплотную прижатая к телу Вестардо, чувствую его запах и тепло мускулистого тела, торс, который так идеально обтягивает эта черная футболка. Я становлюсь на носочки, пытаюсь дотянуться до его лица, он кажется, позволяет. Моя щека касается его колючего подбородка, затем выше и выше, до куда могу достать.

– Второго шанса не будет, Вестардо. – Шепчу на ухо, и буквально через секунду оказываюсь на полу. Он отшвыривает меня, как блоху, я падаю и приземляюсь на колени, Адриан с силой сжимает мое лицо одной рукой, нависая надо мной.

– Ты мерзкая проститутка, Алина. – Усмехается. – Думаешь, я захочу тебя? Я трахал тебя между делом, потому что ты всегда была под рукой. – Он кривится, словно я на самом деле, самое мерзкое, что он видел.

– Твоя мать бы стыдилась тебя.

Опускает руку и, я приземляюсь на задницу.

– Не смей говорить о маме. – Шиплю я. – Ты убил ее! – Слезы жгут глаза.

– Ты сама раздвинула передо мной ноги.

– Я любила тебя, мерзкое ты животное!

На секунду выражение его лица меняется, а затем снова

становится прежним. Таким же холодным, таким, которое я ненавижу.

– Никогда больше не говори мне об этом.

Вестардо выходит за дверь, и я слышу, как поворачивается дверной замок, нащупываю рукой свою туфлю и швыряю ее.

– Сдохни! Слышишь? Сдохни, Вестардо!

Это не так просто забыть. Я шла к этому годами. Не могу сказать, что налаживала свою жизнь, просто принимала ее как должное. Смирилась. Это самое худшее, когда перестанешь бороться. Боролась я только с чувствами. Сливала все в ненависть, и никогда не становилось лучше от этого. Три года достаточный срок, чтобы забыть, но я не забыла, оно всегда было где-то там внутри. Как плохое и хорошее сливающееся воедино. Я так чертовски старалась забыть, даже о ненависти не хотела помнить, а *он* все испортил. Просто появился из ниоткуда. Ему-то легко это сделать. У Вестардо все по щелчку пальца.

Уснула я на полу, точно помню, но когда открыла глаза, то была уже на кровати, укатанная в мягкий плед. Передо мной сидела улыбающаяся во все зубы Лиза, я подскочила.

– Как ты вошла?

– Фу-ты ну-ты, Раковска. – Протягивает мне стакан воды. – Я бросила туда таблетку аспирина, подумала, что не будет лишней.

Точно не будет. Выпиваю всю воду, отдаю Лизе стакан.

– Так что ты тут делаешь?

– Ухаживаю за тобой, пьянчужка. Когда мы вошли, ты валялась на полу, это знаешь ли, неприлично.

– Да, что ты знаешь о приличии? – Кидаю в нее подушку. –

Стой. Мы? Кто Мы?

– Нуу, Адриан.

Ах, дерьмо. Прокручиваю вчерашний вечер в голове.

– Я больше не пью. – Падаю обратно на кровать.

– Ох, где-то я уже это слышала.

– Что ты тут делаешь, Кудрина?

– Ну и снобина ты. Адриан позвонил мне..

Адриан. Адриан. Адриан. Ааааааа.

– Подожди, что? Он позвонил тебе?

– Да, а что ту такого? Я написала СМС, спросила как ты и все такое..

– Ты просто засветила свой номер телефона.

– Ну и это тоже. Слушай, не будь занудой, он твой брат, и что? Ты не можешь быть его нянькой, тем более он старше. Я к тому, что он может делать, что угодно. И сегодня мы идем на свидание.

– Ты, блять, серьезно? – Издаю легкий смешок, Лиза кривится, не понимая, что смешного я в этом нашла. Я заливаюсь смехом.

– Эй, Раковска, ты здорова?

Мое лицо принимает серьезный оттенок.

– Адриан Вестардо не ходит на свидания. Господи, ты должно быть сумасшедшая.

Снова смеюсь. Лиза встает.

– Да пошла ты. Свою жизнь не можешь устроить, в мою не лезь! Я расскажу тебе, как прошло наше СВИДАНИЕ. При-

ятного отдыха!

Поверить не могу. Нет. Представить не могу, как Адриан ведет женщину в ресторан или в кино или в парк аттракционов. Да куда угодно! Единственное место, куда он может отвести это постель, или ванная, иногда кухонный стол.

«Я трахал тебя между делом, потому что ты всегда была под рукой» – Значит ли что я на самом деле была его ручной шлюхой? А тот Адриан, которого я не знаю, водит девушек в ресторан и дарит цветы. Это похоже на безумие, но ведь может оказаться правдой, я же совсем не знаю этого человека, только то, каким он был со мной.

Я ошиблась, называя его куском дерьма, ведь этим самым дерьмом для него была я, только в отличие от меня, он не говорил об этом, просто показывал.

До следующего утра я все время провела в постели, иногда я засыпала, а когда просыпалась, то мысли не давали мне уснуть снова еще долгое время. Головная боль давно прошла, но я каждый раз создавала новую. Не может быть всегда все ужасно. Не нужна мне эта дурацкая фирма, ни куча денег от нее. Мне нужна свобода, хотя бы немного.

Телефонный звонок заставляет меня выпрыгнуть из ванной и лишиться единственного часа в своей жизни, когда я могу расслабиться.

– Ты, кажется, послала меня. Вчера.

– Прости. Слушай, ты чертовски заблуждалась насчет своего брата, подруга.

Вздыхаю.

– Опять ты за свое? Давай закроем эту тему.

– Я просто не понимаю, почему ты плохо отзываешься о нем, хотя живешь в его квартире. Он. Изумительный. Мы были в таком дорогом ресторане. Туда только звезды ходят. Ага. Ага. А потом..

– Просто заткнись.

Я не хочу. Не хочу. Это слушать.

Кудрина визжит мне в трубку и, я даже слышу, как она прыгает по своей кровати.

– Он только что ушел. Раковска, у меня такого секса в жизни не было. Он охерителен.

Меня обдаёт кипятком, даже в ушах начинает звенеть, словно гудок поезда, и вот-вот пар пойдет из них, как из трубы.

– Ты позволила ему трахнуть себя?

Ну как обычно. Что удивительного? Эти двое созданы друг для друга.

– Хм. А он и не спрашивал. Ну, знаешь, я и не против была..

– Дура..

– Что?

– Он поступит с тобой также..

В глубине души я предполагала, что это не так и лишь мои

фантазии, а так же стыдила себя за то, что искренне желала, чтобы Вестардо спустил Лизу с небес на землю.

– Ты о чем?

– Знаешь, почему я никогда не рассказывала о своем брате?

– Ну?

– Потому что у меня нет брата.

Лиза замолкает. Я тоже ничего не говорю, жду ее реакции, и предполагаю, что молчание и есть та самая реакция.

– Я не понимаю..

– Понимаешь. Он трахал меня на протяжении года, пока жил с моей матерью.

Кудрина ахает, я слышу нарастающую панику в ее голосе.

– Блять.. Алина, я не знаю, что сказать. Ты шутишь? Нет. Черт. Почему ты живешь в его квартире? Дерьмо..

– Лиза. Послушай меня, мне очень нужна твоя помощь. Не говори ничего Вестардо, возьми у него ключ от квартиры и приезжай ко мне, по пути купи мне какой-нибудь телефон старого образца, который невозможно будет отследить.

– Что.. ты задумала?

– Не спрашивай.

– Я.. я не знаю, смогу ли.

– Сможешь! Просто скажи, что хочешь заглянуть ко мне в гости. Я заперта, понимаешь!

– Дерьмо собачье, я ничего не понимаю.

– Пожалуйста.

– Ладно. Только не подставляй меня. Хорошо?

Усмехаюсь. В этом вся Кудрина, не зря у меня нет подруг.

– Можешь забирать Вестардо и делать с ним все, что хочешь. Только открой мне дверь.

Пока жду Лизу, запихиваю в чемодан все вещи, которые у меня есть. Изначально, я не собиралась ничего брать и просто поехать домой, но это плохая идея, отец вернет меня обратно. Скорее всего, он заблокирует мне счета, как тогда, когда я сбежала в Латвию, поэтому мне нужно срочно снять деньги с карты, чтобы прожить какое-то время. Я могу вытерпеть все, но я не могу принять присутствие Адриана Вестардо в своей жизни, снова.

Щелчок замка, я замираю в ожидании. Лиза. Фух. Выдыхаю.

– Принесла телефон?

– Что ты задумала? – Ее глаза бегают туда-сюда.

– Телефон.

Она передает мне обычный кнопочный мобильник, я отдаю ей свой, Кудрина настороженно отслеживает каждое мое движение.

– Куда ты Алина?

– Не знаю.

– Скажешь в чем дело?

– Какая разница? Знай одно, этот человек испортит тебе жизнь.

– У меня будут проблемы? – Смотрит на мой чемодан.

– Скажи, что я ударила тебя.. Придумай что-нибудь.

– Черт. Ты сумасшедшая.

– Свяжись со мной, когда Вестардо покинет страну. Выпивка за мой счет. Я оставлю прежний номер, только не звони без повода.

Заталкиваю пару кроссовок, и застегиваю чемодан, смотрю на Лизу, та смотрит на меня. Она будет полной дурой, если позволит себе оказаться на моем месте.

Я ухожу быстро и без оглядки. Порой не бывает выбора. Если бы я сделала это раньше, возможно моя жизнь сложилась бы по-другому. Теперь будет сложнее, потому что я привыкла, что всегда есть деньги, и я нихрена не умею делать, чтобы устроиться на какую-либо самую ничтожную работу.

Снимаю деньги в ближайшем банкомате и нахожу гостиницу в другом конце города, заселяюсь, максимум на один день.

Вечером позвонил отец, а он никогда не звонит просто так. Неохотно беру трубку. Лучше знать, что происходит по ту сторону, чем быть совсем в неведении.

– Где ты?

В стиле моего отца.

– Я не скажу тебе, пап.

– Дочка, не глупи. – Он всегда так делает, когда ему что-то нужно, будто не приказывает, чтобы я думала, словно сама позволила себе выбрать.

– Вернись в свою квартиру.

– Это не моя квартира.

– Но она будет твоей, если захочешь.

– Я не хочу, ясно?

– Ты все портишь, милая. Он просит по-хорошему, до завтра.

Фыркаю.

– По-хорошему?

– Алина, я подписал соглашение, этот парень не только не отдаст нам наш процент, но еще и заберет двадцать процентов того, что у нас есть.

– Мне все равно.

– Просто вернись, тебе ничего не нужно делать, все, что он просит, это чтобы ты жила там, где он хочет!

– Я не вернусь, пап.

– Упрямая, вся в мать. Если завтра тебя не будет на месте, ты.. ты больше мне не дочь.

Меня ранят эти слова. Но если он готов отказаться от меня из-за денег, дурацких бумажек, то нужен ли мне такой отец?

– Прощай пап.

Я всегда хотела быть под стать ему, такой же умной, уверенной, успешной, чтобы он гордился мною, а он всегда списывал меня со счетов, считал что если я женщина, то вся моя деятельность должна окупаться в постели разных мужчин, с которых можно что-либо поиметь. Я должна была быть хорошим товаром и все.

Звонков от Адриана не поступало, что в его духе, но за

последние три дня мой мобильник разрывался от угрожающих СМС отца и его звонков на которые я больше не отвечала. Вчера я сняла квартиру в неприметном районе, и начала оформление визы для перелета в Латвию.

С глаз долой из сердца вон, как говорится, я не могу видеть Вестардо и поступать целесообразно одновременно. Он мешает мне жить.

Я все еще волнуюсь по поводу того, что решила сбежать. Четыре года назад, я не ощущала такой тревоги, я знала, что есть мама, которая ждет меня, и я встретила *его*. Я была не одна. Сейчас.. все по-другому.

После очередного звонка от папы, я решаюсь выбросить к чертям этот телефон, но останавливаюсь прямо у мусорного бака. Это Лиза. Мое сердце екает, абсолютно без причины. Либо же она звонит просто поболтать и напившись, рассказать о том, какой чудесный Адриан, либо же она хочет сказать мне что-то по истине дерьмовое.

– Я попросила не звони..

– Алина! Алина, о Господи. Где ты? – Голос Лизы сотрясает мои внутренности, и все вокруг, она так орет, что слышно на другом конце земли.

– Что случилось?

– Послушай, мне нужно, чтобы ты прямо сейчас сказала где ты. – Она задыхается и, слова путаются меж собой, такое ощущение, словно она рыдала последние несколько часов.

– Говори внятнее. Что происходит? Ты в порядке?

– Нет! Я не в порядке! Скажи мне, где ты!

– Я не могу тебе сказать, мы же договорились.

– Раковска. – Шепчет она, всхлипывая, и я вообще не помню, чтобы когда-либо видела хоть намек на слезинку у этой девушки. Тревога не прекращает нарастать. – Он не в своем уме! Пожалуйста, ты должна помочь мне.

– Хорошо. Успокойся. – Громко вздыхаю. – Скажи, о чем ты говоришь.

– Адриан, он убьет меня, если не узнает, где ты.

– Не говори глупости, Кудрина! Что за цирк ты устроила?

Говорит она вполне серьезно, и кажется сама верит в то, что мелет. Я не знаю этого придурка достаточно хорошо, но убивать он уж точно не способен.

– Пожалуйста. – Пищит она. – Я связана, он держит меня

в какой-то морозильной камере для скота, я звонила маме, какие-то люди пришли в наш дом и забрали мою младшую сестру.

– Ты издеваешься надо мной? – Мой голос еле слышен даже мне самой. Все это звучит, как какой-то абсурд. – Лиза, послушай, все будет в порядке, поняла?

– Привет, любовь моя. – Меня простреливает сотней горящих стрел, когда я слышу *его* голос. Спокойный, без капли злости, но при этом наводящий ужас. Он манящий, и словно на грани полного безумия.

– Что ты творишь, Адриан? – Тихо спрашиваю я.

– Тебе не нужно было уходить.

– Но я ушла. Поверь, это лучшее что я сделала за все годы своей жизни.

– Вернись обратно, иначе тебе все равно придется. Ты ведь придешь на похороны своей милой подруги?

– Ты же не сделаешь этого. – Я то ли просто говорю, то ли спрашиваю. Я не знаю. Потому что все внутри меня дрожит, и я не понимаю, где правда, а где ложь.

– Конечно, нет, но я оставлю ее здесь, в этом холодильнике, одну, без еды и воды. Посмотрим, сколько она проживет. Как думаешь, от чего умрет раньше? Обморожение, обезвоживание?

– Ты больной. Оставь ее в покое. Что ты сделал с ее сестрой?

– Ничего, похитил на время. Не волнуйся, я разрешаю те-

бе решить судьбу обеих. Ты возвращаешься – я оставляю в покое твоих друзей и, все возвращается на свои места.

– Чего ты от меня хочешь? – Я буквально сдаюсь, и мой сорванный голос, тому доказательство.

– Чтобы ты вернулась.

– Я не могу.. – Слезы поступают к глазам, я стараюсь не выдать своего отчаяния. Действительно ли он может причинить Лизе вред? Вообще кому-либо?

Я слышу внезапный раздирающий Лизкин крик в трубке, и меня всю передергивает.

– Хорошо. Хорошо, ублюдок!

– Я рад, что ты как всегда идешь мне навстречу, *mana mīlestība*. Скажи, где ты, я заберу тебя.

– Нет. – Вытираю рукавом, скатившуюся по щеке слезу. – Я сама. Оставь Лизу в покое.

– До шести, Алина. У тебя есть время до шести.

Он отключается, и я понятия не имею, что происходит на другом конце провода. Да и хочу ли я знать? До шести. Что если я опоздаю? Что если я вообще не приду? Это не может быть правдой. На что способен этот человек? Кто он? Я никогда прежде не боялась его, именно, как того, кто может причинить физический вред. И самое ужасное, что я и сейчас не боюсь, и это не может быть нормальным.

Три дня. Три дня назад я покинула квартиру Адриана. Я хотела сбежать, как тогда четыре года назад, чтобы все изменилось к лучшему, но ни тогда, ни сейчас не вышло.

Неохотно тащу за собой чемодан, медленно опускаю ручку двери, набираю в легкие воздух. Открыто. Прямоком иду в комнату, с которой уже попрощалась, и понимаю – мне не сбежать. Останавливаюсь, расслабляю руку, чемодан с грохотом падает на пол, Адриан даже не шевелится, он сидит на краю кровати, скрыв ладонями свое лицо, я опускаюсь рядом с ним. Мне хочется избить его, уничтожить, и так было всегда, но ни на что подобное я не способна.

Мы сидим так еще несколько минут, затем Вестардо проводит руками по лицу и уставляется в пол, словно не замечая меня, как будто и нет меня вовсе. Я пытаюсь подобрать слова, сделать все, как лучше, желая достучаться.

– Она в порядке. – Внезапно говорит он низким голосом, я даже слегка вздрагиваю от неожиданности. Я почему-то была уверена. Он сдержит обещание. Всю дорогу накручивала себе, что несмотря на все животное отношение ко мне, он не навредит Лизе.

– Я.. не буду задавать одни и те же вопросы. – Говорю я, сглатывая ком.

– Ты все еще любишь меня? – Он, наконец, поворачива-

ется ко мне, я отчаянно хлопаю глазами. Не верю, что слышу, не хочу верить тому, что слышу. Не уверена, что этот человек даже слово такое знает.

– Что? – Это все, что я смогла выдать из себя.

– Ответь.

– Я..я. – Отлично. Теперь я заикаюсь.

– Просто ответь, мать твою! – Орет он, подсакивая с кровати, его глаза бешено бегают по моему лицу, а я пытаюсь найти ответ на это безумие в нем. Молчу. Внезапно мне хочется уткнуться лицом в подушку и бесконечно рыдать. Я не могу любить тебя, снова. Это невыносимо.

Адриан опускается передо мной, сжимая мое лицо рукой, заставляя смотреть ему в глаза.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.